

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Семейное дело

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Семейное дело

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Семейное дело / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Убиты два старых друга, один из которых был заместителем начальника УВД на Московском метрополитене, другой – художником, посвятившим себя необычному виду искусства – граффити, уличной живописи. Почему эти двое оказались в столь поздний час в безлюдном месте? Имеют ли отношение к этому убийству взрывы, недавно прогремевшие в метро? А может быть, двойное убийство – всего лишь семейное дело? Во всем этом предстоит разобраться старшему помощнику Генпрокурора Александру Борисовичу Турецкому, который возглавляет следственную группу.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	46
Глава 13	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Пролог

В электричке Москва – Александров пассажиров, как ни странно, было немного; по всему вагону носились запахи весны – подснежников, молодой травы, земли, освободившейся от снега. Двое – он и она – сидели у окна друг против друга, комментируя заоконный вид, то и дело восторженно вскрикивая при виде то группы березок, отражающейся в озерце талой воды, то живописно полуразвалившегося домика, то рыжей собаки повышенной лохматости, навсегда уносящейся вдаль. Эти двое были молоды и счастливы – собой, весной, вовремя взятыми отгулами и предстоящим отдыхом на даче. Будет зябко, но упоительно. Будет горьковатый дымок отсыревших дров в печи, будут шашлыки и прошлогодняя картошка, которая в поджаренном виде не так уж плоха, будут прогулки по возрождающемуся к летней жизни лесу... Будут еще и другие удовольствия, о которых он вспоминал каждый раз при мимолетном взгляде на обтянутые синей джинсовой тканью тугие бедра подруги, и тем азартнее вскрикивал, и тем охотнее комментировал подробности пейзажа.

– Как только приедем, – деловито строила планы она, – сейчас же надо затопить печь и просушить матрасы...

– Я же знаю, – отозвался он, – какая ты у меня хозяйственная, Дуся.

Девушку романтические родители наградили именем «Диана», которое она не любила за излишний блеск и выпренность. Не имя, а медаль: для повседневного ношения не подходит. То, что любимый преобразовал его в уютное «Дуся», доставляло ей удовольствие. А его звали просто Сережа, и для Дуси это было самое прекрасное и уникальное имя на свете.

– Смотри, смотри! – Сережа даже подпрыгнул.

Сельский пейзаж прервался глухой многокилометровой стеной, сложенной из серобелых бетонных блоков. Казалось бы, ничего примечательного. Но что это была за стена! Не стена, а окно в фантастический мир. С нее скалились угрожающие морды, не то человеческие, не то звериные, на ней разворачивались битвы противоборствующих сил, означенных розовым и фиолетовым цветами, на ней трассировали пули и полыхали ало-желтыми астрами взрывы бомб. Что это? Анилиновые красители в баллончиках-пульверизаторах плюс немного ловкости для того, чтобы создать полотно, балансируя среди железнодорожных путей. Ну и конечно же немереные запасы фантазии и таланта.

– Это называется «граффити», – увлеченно пустился в объяснения более эрудированный Сережа. – Модное направление искусства. Раньше графферы – ну те, кто этим занимается, – портили городскую среду, теперь начинают преобразовывать ее с согласия властей. Вот стоит такой скучный забор или глухая стена, почему бы не сделать из нее что-нибудь красивое? Графферам даже специально задания дают. Вот недавно я в газете прочел, один директор завода созывает графферов, которые сумели бы расписать заводские цеха композициями на тему ударного труда. В духе соцреализма, пусть даже с ироническим оттенком... Дусь, ты чего?

Девушка наморщила прямой носик. Губы, блестящие от инфантильно-розовой помады, оттопырились и припухли, словно их обладательницу обидели:

– Мне не нравятся.

– Не нравится? Почему? Брось, ты же только что с таким восторгом глазела на эти красоты!

– Только что глазела, а теперь мне как-то не по себе. – Диана действительно, казалось, немного испугалась, но больше все-таки нагнетала в себе испуг, желая, чтобы любимый встретился и окружил ее ласковой заботой. – Что-то жуткое было в этом... что-то зловещее...

– Ничего зловещего, Дусенька, – постарался успокоить ее Сережа. – Просто у тебя колебания настроения. Перетрудились ты в офисе. Ничего, тебя ждут четыре дня на свежем воздухе, и все пройдет... Я же знаю, какая ты у меня трудолюбивая, Дуся!

В виде компенсации за испытанное беспокойство Сережа, подавшись вперед, попытался поцеловать любимую, но поезд трянуло, и он, промахнувшись, вместо губ чмокнул ее в нос. Оба расхохотались. В конце концов, весна уже вступила в свои права, а по сравнению с любовью все житейские мелочи не имеют значения.

Электричка давно умчалась в направлении Александрова. Разукрашенная стена оставалась непоколебимо стоять, удивляя своим экзотическим обликом среди блеклого русского пейзажа.

Глава 1

Палыч борется с галлюцинациями

Должно быть, не один пассажир, рассеянно скользящий в поезде по открытому участку Арбатско-Покровской линии, обращал внимание на серую кирпичную башню с двумя циферблатами часов, на каждом из которых, как правило, обозначается разное время. Если прижаться носом к стеклу, нетрудно обнаружить также, что у подножия башни с часами протянулось длинное, похожее на ангар здание с полупрозрачным куполом и расчерченными в клетку арками над каждым входом. Входы в ангар примечательны тем, что сюда ведут рельсы, обычно запруженные составами, а то и отдельными вагонами. Больше любопытствующий пассажир увидеть ничего не успеет: остаток картинки проглотит грохочущая чернота очередного тоннеля, проложенного под землей. Однако если этот интересующийся пассажир спросит кого-либо, понимающего в транспортных делах, ему ответят: ангар, куда стекаются составы, – не что иное, как депо «Измайлово». Здесь поезда моют, приводят в порядок, здесь они терпеливо отстаивают часы в ожидании нового этапа нелегкой службы – работы на износ... А чтобы они подольше прослужили, их ремонтируют.

Одного из сотрудников депо, собаку съевшего на ремонте подвижного состава, звали Павлом Павловичем Безносиковым. Впрочем, полные свои имя-фамилию он вспоминал только в день зарплаты, видя их напечатанными в ведомости, – и тщательно, неуверенно расписывался, словно не узнавал самого себя. А так, запросто, для всех, он был Палыч.

Маленький, морщинистый, перекособоченный, двужильный, с растопыристыми почернелыми пятернями-граблями, которые умеют так нежно и точно держать инструмент, как не под силу другим, более благородным и мастеровитым с виду рукам... А, стоит ли тратить слова впустую! На любом производстве, требующем ручного труда, найдется свой Палыч. Надо полагать, никого не удивит, если мы добавим, что тот Палыч, о котором идет речь, находился в долгих и трудных взаимоотношениях с алкогольными напитками.

Вот и сейчас, во второй половине смеркающегося дня 9 марта, отправляясь осматривать очередной состав, в котором что-то заколодило, Палыч обдумывал эти свои отношения с зеленым змием, в котором, в зависимости от обстоятельств, находил то друга, то врага. Как друг – змий утешал его в неприятностях, смягчал страдание, делал жизнь переносимой. Как враг – втравливал в новые неприятности, которые Палыч по привычке также заливал спиртным. Как-то так получалось, что, хотя пил Палыч из года в год стабильно, не повышая дозу, уровень неприятностей постепенно возрастал и семь месяцев назад достиг максимума. Жена, с которой Палыч прожил восемнадцать лет – если не душа в душу, то, по крайней мере, бок о бок, – вдруг ни с того ни с сего, точно проснувшись, заявила, что с нее хватит, жизнь у нее одна и она не собирается ее тратить неизвестно на что (именно так она и выразилась, «на что», с намерением обидеть, точно Палыч был предметом). И ушла к хахалю, с которым спуталась, оказывается, уже давно, пользуясь тем, что законному мужу после тяжелой работы требуется расслабиться, и ему не до того, чтобы выискивать признаки измены...

Палыч вздрогнул и замер, прислушиваясь: снаружи депо раздался резкий звук. И не один... Серия трещащих хлопков, точно взорвали петарду. «Хулиганье веселится», – досадливо подумал Палыч и продолжил вспоминать личную драму, на подробностях которой его буквально заклинило.

Палыч, невзирая на обиду, в течение первых двух вечеров после ухода жены даже радовался, что супружницы больше нет, никто не пилит, не зудит над ухом, не измеряет бдительным взглядом уровень жидкости в бутылке. Зато на третий день он затосковал по не слишком изысканному, но регулярному питанию. Через полторы недели Палыч зарос по уши грязной

посудой и грязным бельем и стал до неприличия походить на бомжа. Когда даже в депо, где его вообще-то ценили и боялись потерять, сделали замечание, пришлось взяться за дела домашние. Только неладно у него это получалось – навыки хозяйствования были безвозвратно утрачены...

– Палыч! – долетел гулкий, отраженный высокими сводами, окрик. – Чего ты там, заснул?

– Иду! – откликнулся Палыч, не трогаясь с места, словно подошвы его разлапистых рабочих сапог влипли в гудрон.

Уж и узнал он лиха – хоть криком кричи! Но, несмотря на временные трудности, дело сладилось, образовалось. Справный, хоть и пьющий, мужик без бабьего внимания не останется. Не так давно взяла его в оборот Светка-диспетчер – строгая, полнотелесая и разведенная. Только поставила условие: напиваться не смей, у меня дочка растет, в школу ходит. А еще лучше – совсем брось. Вот он и бросает по Светкиному заказу. Два дня честно не пьет...

– Палыч! Да Палыч же!

– Да иду же я, иду! – Палыч нервно почесал за ухом гаечным ключом, обнажая под кепкой усеянный перхотью затылок, и наконец-то направился в сторону нужного состава.

За пределами депо на него сразу налетел ледяной ветер: зима в этом году получилась особенно затяжной, заняв все отведенные ей календарные пределы и захватнически перехлестываясь на весну. Погода настроения не улучшала. А настроение у Палыча, героически воздерживающегося от порции спиртного, о которой умолял его организм, и при скверной погоде было неопишимо гадким. Привыкший воспринимать мир под хмельком, Палыч впервые за долгие годы встретил его лицом к лицу, и окружающая действительность ему страшно не понравилась. На всем лежала какая-то безжалостная, излишняя резкость, ранящая глаза, как собранный в стекле лупы солнечный луч. А порой – и это еще хуже – сквозь действительность проступал словно другой мир, как будто из продранного старого пальто лезли ключья ватной подкладки.

«Приехали, – наливаясь суеверным ужасом, подумал Палыч. – Она это за мной пришла... Сама... „Белочка“ до меня добралась...»

За долгие годы алкогольного стажа Палычу ни разу не случилось допить, как это называют в народе, «до зеленых чертиков», но от бывалых мужиков он слышал, что белая горячка случается не тогда, когда человек непрерывно пьет, а, напротив, когда он пил-пил, а потом вдруг резко прекратил. Тогда и галлюцинации возникают, и страхи, и соседи вызывают психперевозку, и много еще случается пренеприятнейших вещей, от которых Палыч всегда был далек и с которыми знакомиться на собственном опыте не хотел категорически.

От волнения он, несмотря на пронизывающий ветер, вспотел. Низ живота сдавило страхом. Настоятельно захотелось отлить. И, в очередной раз плюнув на ждущий ремонта состав, Палыч, сноровисто перешагивая через рельсы, заторопился в кусты. Окружавший депо кустарник, растущий сам по себе, безо всякого окультуривания, в это время года представлял собою собрание прутьев, беспорядочно – где густо, где пусто – торчащих из земли, однако, по здешним меркам, считался относительно укромным местечком на отшибе. Народ здесь попусту никогда не топтался.

«Пусть Светка живет как хочет, – мелькнула блаженная мысль, от которой стало тепло и спокойно, и все возвращалось на круги своя, – а я выпью. Сегодня после работы и выпью. А она пусть делает как хочет. Не подхожу я ей, ну и ладушки, значит, не подхожу. Значит, так и запишем. А я не согласен...»

С чем Палыч не согласен, он не успел мысленно сформулировать, потому что до несуразности громко икнул. Из головы улетучились все мысли, тело стало точно стеклянное. Палыч пристально смотрел и не мог отвернуться от зрелища. Из кустов торчала нога в приличном, иностранной фирмы («На меху», – ненужно отметило сознание) черном ботинке. А дальше, там, в кустах... Люди так не лежат. Так валяются на свалке не до конца разобранные на части манекены.

«Ой, беда! – всполохнулось все внутри Палыча. – Задавило кого-то, что ли?»

Дохлый номер. Палычу случалось видеть тела задавленных поездом: кровавые массы, раздробленные кости, намотанные на колеса ключья одежды и кишки. По сравнению с такими пострадавшими люди в кустах выглядели аккуратны, пристойно. Всем хороши, жаль – неживые.

Мертвых было двое. Примерно одного возраста, один чуть помоложе – или это так кажется из-за одежды? Молодежная сине-белая демисезонная куртка, светло-голубые джинсы... На втором – милицейская форма; в знаках отличия Палыч не разбирался, но, судя по солидности облика, покойник чин имел большой. Тягучая жидкость, которая образовывала медленно впитывающиеся лужицы и крупными каплями падала с кустарниковых ветвей, казалась черной, тогда как на самом деле она была красная...

Палыч прекратил дальнейшее наблюдение. Круто повернувшись, он сунул гаечный ключ в карман спецовки и заспешил назад, под своды депо. Позыв на мочеиспускание прошел, миновали и тягостные рассуждения о жизни. Перед Палычем забрезжила ясная, пусть кратковременная, цель: если завелись трупы – надо вызвать милицию.

У входа Палыч столкнулся со Светкой-диспетчером, которая смерила его подозрительным взглядом, проверяя на трезвость, будто глазами анализ крови брала. Чувствуя ответственность перед органами правопорядка, так как он первым обнаружил трупы, Палыч не обратил на Светкины закидоны особенного внимания.

– Ты, слышь, Свет, – забормотал он, – ты позови милицию... Из охраны там есть кто? Или позвони... Там, Свет, трупы валяются... Чистенькие, непохоже, чтоб задавило...

Взгляд диспетчера стал острым, как только что изготовленный консервный нож, и этим консервным ножом она попыталась вскрыть Палыча, чтобы выяснить: что у него на уме? Накунуне он все ей нудил, что вредно бросать пить так резко, что от этого белая горячка приключиться может... Неужто и впрямь? Или он все-таки напился? Или так просто, нервы дергает?

– Поди глаза промой, – резко ответила диспетчер. – Трупы твои и исчезнут.

В принципе появление в районе депо неизвестных трупов было делом вероятным. Однако Палыч, от готовности продемонстрировать, что он трезв и в своем уме, изобразил какую-то мелкую смущенную улыбочку, которая никак не вязалась с фактом наличия мертвецов в кустах. Светлана ему не поверила. В последнее время она ему вообще редко верила, придя к выводу, что, несмотря на мастерство, Палыч был человеком ненадежным.

– Ты что, Свет, думаешь, я напился? – забормотал несправедливо обвиненный Палыч. – Так я же... Хочешь, дыхну?

– Уйди от меня! Он еще дышать на меня собирается!

– Хочешь, посмотри сама... Ну, посмотри же ты! – разъярился Палыч. – Тебе что, трудно? Поди и посмотри!

Диспетчер была крупнее и весила килограммов под сто, но Палыч, хоть и подрастерявший здоровье в объятиях того же дружественно-враждебного змия, физически был сильнее. Уступая напору его жилистой крепкой руки, Светлана послушно вышла из депо и двинулась в сторону пресловутых кустов, думая только о том, как бы скорее убедиться в том, что никаких трупов нет, и послать куда подальше этого дурака пьяного, с которым она неизвестно зачем связалась...

Диспетчер Светлана обладала прекрасным, громким, поставленным самой природой голосом. Взвизг, когда она с разбегу натолкнулась на одного из покойников, – это была ее вокальная вершина! В то время как Палыч удовлетворенно приговаривал:

– А вы говорите, чертики... Какие там чертики? Палыч до чертиков отродясь не допивался... Какая там «белочка»? Палыч нормальнее вас всех...

Дежурная оперативно-следственная группа московского главка ГУВД и городской прокуратуры Москвы прибыла быстро. В нее входили немолодой уже следователь Мосгорпрокуратуры Виталий Ильич Сумароков, высокий и тощий, как древко флага, оперативник Иван Козлов и судмедэксперт Стелла Буянова.

От работников депо, обнаруживших тела, они не добились ничего ценного. Палыч бубнил о звуках выстрелов, которые услышал, должно быть, минут за двадцать до того, как он направился к кустам, однако к тому времени, как он вышел, убийцы успели скрыться. Все остальное должен был подсказать осмотр места происшествия.

Глава 2

Иван Козлов постигает тонкости профессии

Откуда берутся замечательные сыщики, энтузиасты своего дела? С чего начинается их увлечение своей профессией: с детективов, с книг о Шерлоке Холмсе? Бывает и так. Но для оперативника прокуратуры Ивана Козлова будущая профессия началась с другой книги. Научной, серьезной. Так и называлась «100 лет криминалистики». Книгу эту Иван, будучи шестиклассником, подобрал возле библиотеки. Он шел из школы после контрольной по-английскому и увидел гору, судя по всему, списанных книжек. Он остановился и решил что-нибудь найти для себя: жаль было ничего не выбрать из этой кучи добра. Учился Иван так себе, но читать любил. Еще он вытащил тогда из книжной кучи сборник фантастики и несколько номеров альманаха «На суше и на море». Фантастику он через неделю отправил в мусоропровод, «по суше и по морю» странствовал чуть подольше, но альманахи тоже ему наскучили. А вот «100 лет криминалистики» не только понравились, но и совершенно неожиданно повлияли на Ивана.

Он до тех пор не слишком-то отягощал себя чем-либо, в том числе и домашними заданиями. Теперь же действительность предстала перед ним с совершенно неожиданной стороны. В книге популярно рассказывалось о том, с помощью каких методов ловят в наше время преступников. Четко. Аргументированно. Непреложно. Именно красота точного расчета и непрерываемости поразила Ивана в самое сердце. В соответствии с новым увлечением он переключился на учебу, удивляя весь школьный коллектив.

Иван, например, вдруг понял, что ботаника может понадобиться для установления, пыльца какого именно растения была обнаружена на одежде убитого, география – для составления маршрута передвижений преступника... А химия и физика, которые еще недавно навевали тоску, теперь превратились в интереснейшие предметы! Школу Иван закончил с «серебряной» медалью.

Чем заниматься дальше? Для него вопрос был решен.

Нескладный, слишком высокий, с длинными руками и ногами, жесткими бесцветными волосами и носом, за который друзья прозвали его «наш Буратиныч», Иван выглядел неказистым переростком, и форма лейтенанта милиции только подчеркивала производимое им несолидное впечатление. Он не привлекал внимания женщин и не стремился привлечь. К счастью – или к несчастью, как знать – для себя, Иван тратил все силы на освоение специальности. И достиг в ней определенного мастерства. Так считали сослуживцы, да и он так считал тоже. Несмотря на скромную внешность, честолюбием Иван обладал немалым. Более того, опытные криминалисты с уважением относились к мнению молодого оперативника и порой искренне удивлялись его знаниям и эрудиции.

Вот и сейчас он мысленно бился об заклад, что сумеет рассмотреть на месте преступления больше, чем следователь Сумароков.

Виталий Ильич Сумароков тоже обладал непритязательной внешностью, но совсем в другом роде, чем Иван Козлов. Если Козлов был худым и высоким, то Сумароков – полноватым и сутулым. Очки в малозаметной металлической оправе плотно сдавливали с двух сторон его толстый, расплывшийся нос. Круглый подбородок украшала ямочка, а узкие губы он обычно плотно сжимал. Ему бы еще кожаные нарукавники – и перед нами предстал бы вылитый бюрократ из сатирической комедии года эдак пятьдесят забытого. Сходство довершалось тем, что следователь Сумароков, по давней выучке приверженный тщательному ведению документации, постоянно писал от руки – покрывал скаредным бисерным почерком официальные бланки протоколов осмотра места происшествия. Передвигался он медленно, нагибался осторожно, в несколько приемов – как было известно Ивану, Виталий Ильич опасался за свой радику-

лит, который в самый неподходящий момент начинал вести себя неподобающим образом. Его можно было назвать неторопливым, даже медлительным...

...Чего никак не получилось бы сказать о Стелле Аркадьевне Буяновой. Сорокалетняя дама-судмедэксперт, кандидат медицинских наук, обожала строить из себя юную наивную резвушку: не к месту встряхивала пышными черными волосами, стреляла по сторонам глазами, обрамленными ресницами, накрашенными в три слоя, то и дело принималась хихикать, а порой и хохотать, выставляя напоказ безукоризненные белые зубы, – да так, что вспугивала свидетелей. Стеллу неоднократно шпыняли за неподобающее поведение, но поведение от этого менялось лишь временно, к тому же экспертом она была отменным, так что с ее маленькими слабостями приходилось мириться. Вот и сейчас она привычно растягивала рот в улыбке, фотографируя место происшествия – так, будто не она, а ее фотографировали, причем на обложку глянцевого журнала.

Место происшествия предоставляло мало поводов для веселья. Один из потерпевших – тот, что казался моложе, худощавый, в модной синей куртке с белыми вставками, джинсах и явно недешевых ботинках на рифленой подошве – умер сразу: об этом свидетельствовал характер ранения – входное отверстие располагалось в центре лба. Он умер, откинувшись на спину; лицо мирное, слегка удивленное. Впрочем, смерть не сохраняет выражения лица... Безвременная кончина второго – генерал-майора милиции, заметил по погонам Козлов – не была столь же легкой и безмятежной: пуля прошла грудную клетку, на гладко выбритой щеке – пять отчетливых параллельных полос. Следы ногтей... Генерал успел оказать сопротивление убийце или убийцам: указательный палец его правой руки находился в таком положении, словно все еще нажимал на курок.

– Надо же, табельный пистолет забрали, – удивился молодой оперативник. – Смело. Ведь по нему их легко будет вычислить... Я такого еще не встречал.

– Поживешь с мое, Иванушка, – желчно отозвался Сумароков, – еще не то увидишь. Я, кстати, не уверен, смелость это или глупость.

Судя по следам крови, тянувшимся от места преступления в гущу кустарника, один из нападавших был ранен. Все пространство вокруг истоптано, кусты поломаны. Должно быть, с избытком тут оказалось и треска ломаемых ветвей, и криков, да и звуки выстрелов – это вам не просто так, не муха пролетела! Однако за привычным грохотом депо его работники ничего не слышали. Один только Безносиков, чьи чувства обострены лишением алкоголя, расслышал – и то не придал значения.

– Следы рукопашной борьбы, – глубокомысленно провозгласил Козлов, вызвав очередную белозубую улыбку у Стеллы Буяновой. Уж что ее так смешило, оставалось лишь догадываться. Козлов, мнительный, как все молодые специалисты, заподозрил, что насмешка адресуется его неопытности, и насупил малозаметные светло-русые брови.

Несмотря, однако, на улыбки не по делу, к работе Стелла относилась не легкомысленно и, как только ей это позволили, сноровисто закопошилась возле трупов. Особенного ее внимания удостоился генерал-майор. Не слишком церемонясь, Стелла осмотрела и сфотографировала его пальцы. Из своего чемоданчика, содержавшего набор необходимых для судмедэксперта предметов, она достала целлофановый пакет и с помощью пинцета принялась извлекать из-под ногтей трупа какие-то почти невидимые частицы.

– Кровь, – поясняла она при этом. – Волосы. Частички кожи... Пойдет на экспертизу.

Иван Козлов, занимавшийся тем временем отпечатками подошв, воспрянул духом:

– Экспертиза ДНК?

– Да, и ДНК тоже, – подтвердила Стелла, на сей раз, как показалось Ивану, с уважением. Иван производил впечатление деятельного служаки, в то время как Виталий Ильич представлялся неповоротливым, чересчур флегматичным. К тому же он, видимо, был простужен и тяжело сопел сквозь заложенный нос.

«Первым делом, – строил планы Иван Козлов, – необходимо определить личность хотя бы одного потерпевшего. Генерал-майоры милиции на дороге не валяются... то есть если даже конкретный генерал-майор в буквальном смысле и валяется, то личность его установить легко. Полагаю, это решится быстро, далее, придется устанавливать его контакты за последнее время. Сверить показатели ДНК с показателями...»

Сумароков просопел что-то непонятное, не отрываясь от своей писанины. Писал он на весу, одной рукой, другой придерживая старомодного вида потертый коричневый планшет, на котором лежал бланк протокола. Иван Козлов втайне удивился этому цирковому трюку, который во времена диктофонов и персональных компьютеров выглядел как какой-то обезьяний атавизм.

– Что-что? – переспросил Иван, недовольный тем, что перебили его ценные мысли. Тем более от Сумарокова он ничего ценного не ждал.

– Позвони, Ваня, в УВД, – просопел Сумароков. – Скажи, Бирюкова застрелили.

После чего вытащил из кармана и развернул колоссальных, почти клоунских, размеров клетчатый носовой платок, высморкался и теми же темпами сложил платок и убрал его обратно. А далее принялся деловито шарить в кустах, осматривая каждый сантиметр мерзлой, прикрытой скудным снегом и прошлогодней пожухлой травой почвы.

– Ну чего застыл, Вань? – подстимулировал молодого подчиненного Сумароков. – Бирюков это, Борис Валентинович, один из замов начальника УВД на Московском метрополитене. Был... Скажи там, пусть жене сообщат поделикатнее. И спроси, с кем он сегодня встречу назначал.

Иван застыл не оттого, что расслабился и на какую-то минуту утерял свойственную ему расторопность. Он был поражен тем, что Сумароков, не сходя с места, сделал часть работы, которая в представлении Ивана должна была занять если не сутки, то уж несколько часов точно.

Иван Козлов был удивлен, смущен, отчасти разочарован... Но быстро утешился. В конце концов, то, что совершил Сумароков, немедленно опознав в убитом Бирюкова, вытекало не из его особенных криминалистических познаний, тем более не являлось плодом того самого магического озарения, которое приписывается великим сыщикам. Это опыт. Жизненный и служебный опыт в голом виде. Сумароков просто знал в лицо заместителя начальника управления внутренних дел на метрополитене Московского транспортного региона. Ничего особенного! Иван со временем тоже будет всех важных милицейских начальников знать в лицо... хоть со спины!

Однако для себя Иван уяснил, что ему еще многому предстоит поучиться. Тому, о чем не пишут в учебниках.

– Вот и гильзы у нас обнаружили, – спокойно, словно он напевал колыбельную, бормотал Сумароков. Он успел уже раскрыть так называемый следственный чемодан с набором криминалистических предметов и инструментов. – Гильзы приобщим к делу. Иди, Вань, поближе. Не стесняйся, посмотри.

– «Беретта»? – с ходу попытался определить Иван Козлов.

– Да ты не торопись, горячка, не торопись! Больно ретив. Хочешь показать, что все знаешь? Все знать в нашем деле невозможно, да в этом и нет надобности. Это нам эксперт все скажет, какой тип оружия, особенности и все прочее. Направим гильзы на баллистическую экспертизу в Московскую ЛСЭ. ЛСЭ – знаешь, что такое?

– Лаборатория судебных экспертиз, – отрапортовал Козлов.

– Правильно, – буркнул Сумароков. – Эх, молодые, всему вас учи! Таким образом, Ваня, у следствия появится определенная доказательственная база – вещественные доказательства. Ну и еще там экспертизы: медицинская, биологическая и криминалистическая...

Глава 3

Константин Меркулов отдает приказ

Когда следователя Сумарокова вызвал заместитель генерального прокурора, Виталий Ильич промолвил про себя: «Ну вот, этого я и ожидал!» Больше никаких комментариев, в том числе и вслух, от него не последовало. Ко всему, связанному со службой, Виталий Ильич относился стоически. Вот семья – это особь статья! В кругу семьи Виталий Ильич позволял себе и раздражаться, и жаловаться, и быть несдержанным, а вчера даже наорал на сына с невесткой за то, что любимую внучку, Леночку, слишком легко одели для прогулки, и она теперь заболела. Н-да, неловко вышло... кричать на взрослых людей... К тому же, может, он сам, со своим насморком, и заразил Леночку... А досаднее всего, что он совсем и не хотел кричать, а сделал это только ради того, чтобы разрядить атмосферу. В последнее время семейный горизонт оказался затянут сплошными тучами, неизбежно порождавшими разрывы грома и молний.

Обладатель громкой фамилии, тишайший Виталий Ильич действительно являлся очень дальним родственником и, с формальной точки зрения, наследником того самого знаменитого пиита осмнадцатого столетия, однако ничуть этим не гордился. Когда ему задавали неизбежный вопрос: «А вы не родня случайно будете тому Сумарокову?» – отвечал торопливо и неприветливо: «Ну да, а что толку?» И впрямь, не видел он большого толку в этом пышном родстве – для себя, человека скромного, немолодого и скучного, который вдобавок ко всем своим отрицательным качествам терпеть не мог стихов, особенно допушкинской поры, производивших на него впечатление какой-то занудной несуразности. Не испытывая ответственности перед своим предком за воспроизведение фамилии в грядущих веках, он не настаивал и на том, чтобы вдобавок к Леночке Толя и Вера произвели на свет мальчика – продолжателя рода. Нет, все эти вещи не играли в его жизни никакой роли. Единственное, чего жаждала его душа, – мирное сосуществование с сыном и невесткой. Но вот это простейшее желание, как оказалось, в пределах трехкомнатной квартиры никак не сбывалось.

«Все Рая виновата!» – сокрушался в последнее время Сумароков. Его супруга, Раиса Павловна, в свое время и слышать не хотела о том, чтобы Толик, расписавшийся с черноглазой однокурсницей Верочкой, подыскивал какое-то (неизвестно где, у чертей на куличках) отдельное жилье. «Нет-нет, и слышать не хочу! – мысленно передразнил жену Виталий Ильич. – У нас прекрасная трехкомнатная квартира. Пока не закончите институт, живите здесь». Вот они уже и институт закончили, уже и зарабатывают побольше его, а воз... воз и ныне там. Их это устраивает! Виталий Ильич платит за квартиру, на Раису Павловну всегда можно оставить Леночку, отправляясь гулять в веселой компании прежних сокурсников или новых коллег... Не чужие вроде – свои! Да, свои – но откуда тогда эта нервозность? Виталий Ильич привязался к Вере, обожает Леночку, но готов сознаться самому себе, что дома он хочет побольше тишины и покоя.

Но это все – проблемы домашние. На службе же Сумароков превращался в неуязвимого для эмоций рыцаря, одетого в нравственную броню. Кое-кто обвинял его в бесчувственности... Но Сумароков твердо верил, что существует лимит чувств, выделенный каждому человеку на всю жизнь, и если он отдавал службе весь свой мыслительный потенциал, то чувства на нее тратить был не намерен. Тем более что чувство часто мешает мысли.

«А шестое чувство?» – спросил с улыбкой Виталий Ильич. Шестое, вполне служебное, чувство, исправно подсказывавшее ему, от какого дела, находящегося в его следовательском ведении, можно ожидать максимального количества неприятностей... А впрочем, не нужно быть Нострадамусом, чтобы предсказать, что убийство одного из заместителей начальника

управления внутренних дел на метрополитене Московского транспортного региона повлечет за собой тучу неприятностей. Шестое чувство может взять отгул.

Заместитель генерального прокурора Константин Дмитриевич Меркулов задумчиво потирал тыльным концом шариковой ручки впалый седой висок: дело об убийстве Бирюкова ему тоже сулило ему немало хлопот. Московский метрополитен – зона важная, один из заместителей начальника управления внутренних дел, курирующего ее, – фигура заметная... На передаче дела в Генпрокуратуру настоял министр внутренних дел России Рашид Маргалиев. И генпрокурор Владимир Кудрявцев, разумеется, пошел ему навстречу.

Когда Сумароков, будучи впущен бдительной Клавдией, отворил дверь в кабинет заместителя генерального прокурора, то с порога обнаружил, что Константин Дмитриевич не один. Второго присутствовавшего Сумароков знал отлично: это был Вячеслав Иванович Грязнов, заместитель директора Департамента уголовного розыска МВД РФ. Лицо третьего присутствовавшего было ему визуально знакомо, но кто это такой, Виталий Ильич не знал.

– Проходите, Виталий Ильич, присаживайтесь, – после приветствий пригласил следователя Константин Меркулов. – С генералом Грязновым вы, разумеется, знакомы. А вот это – Александр Борисович Турецкий, старший помощник генпрокурора. Я только что отдал приказ о создании оперативно-следственной группы по расследованию дела об убийстве Бирюкова и... второго потерпевшего... как его фамилия?

– Сворцов, – подсказал Сумароков.

– Да, Сворцов. Итак, Александр Борисович возглавит оперативно-следственную группу. Виталий Ильич, вы передадите старшему помощнику генпрокурора все материалы этого дела. Но для начала хотелось бы услышать, что вам удалось уже выяснить.

Готовясь доложить о состоянии расследования, Сумароков жестом, который стал привычным за эти насморочные три дня, извлек на белый свет платок, тоже клетчатый, правда, свежий (платки ему ежевечерне меняла жена), деликатно высморкался, чтобы избежать неприятного трубного гласа, и после этого стал докладывать. Без эмоций, ровно, деловито, не скрывая сложностей и перспектив.

Личность второго убитого установить оказалось легко. Это был известный в Москве и за рубежами нашего отечества художник Николай Викторович Сворцов. Выходцы из Санкт-Петербурга, тогда еще Ленинграда, где Сворцов и Бирюков учились в одном классе, дружбу пронесли через взрослые годы и, хотя в последнее время виделись нечасто, продолжали иногда общаться. Домашние Бориса Валентиновича сразу сообщили следствию, что незадолго до убийства Бирюков разговаривал со Сворцовым по телефону и, очевидно, договорился о встрече. Имелась ли для встречи веская причина или давние друзья собирались просто пообщаться, и что привело их в такое, мягко говоря, неподходящее для дружеских прогулок место, как окрестности депо, – об этом они сообщить не могли. Жена Сворцова также не выказала осведомленности, но она, узнав о смерти мужа, непрерывно плачет, поэтому допросить ее пока не удалось.

– Если хотите знать мои предположения, – высказался не по-служебному Сумароков, – я думаю, надо копать по линии транспортной милиции. Московский метрополитен – тот еще гадюшник, а если учесть, что Бирюков наступил на хвост не одной преступной группировке, то... выводы сделать нетрудно. Подкараулили его во внеслужебной обстановке, когда он выбрался пообщаться с другом, и – готово. Хотя этого Сворцова тоже сбрасывать со счетов нельзя...

Александр Борисович Турецкий слушал внимательно.

– Скажите, Виталий Ильич, а чем именно занимался Сворцов как художник? Что было его специальностью: живопись? или инсталляции? или, может, художественная фотография? Сейчас «художник» – понятие широкое...

Сумароков незаметно, как он сам считал, подсмотрел в обрывок бумаги, на котором было написано искомое слово. Простое как будто бы слово, коротенькое, а вот почему-то из памяти вылетает.

– Он был граффером, – изрек наконец Виталий Ильич.

– Кем-кем? – простодушно уточнил Вячеслав Иванович Грязнов, для которого это слово тоже не относилось к разряду знакомых и широко употребляемых.

– Граффером, – добросовестно повторил следователь Сумароков. – Графферы – это те, которые разрисовывают стены. «Граффити» – настенные рисунки.

– А сколько ему было лет?

– Сорок шесть.

– И что, в таком возрасте он этим хулиганством занимался? – Изумлению Грязнова не было предела.

– Да будет тебе известно, Вячеслав Иваныч, – проинформировал друга Турецкий, едва сдерживая смех, – что «граффити» – не хулиганство, а признанная мировым сообществом разновидность искусства. Я в ней, правда, сам не специалист – ну что ж, придется подковаться.

– Для твоей эрудиции, Саня, это только полезно. А вас, Виталий Ильич, поскольку вы осматривали место происшествия, готов включить в следственную бригаду по делу Бирюкова – Скворцова. Кому, как не вам, заниматься проблемами транспортной милиции.

– Есть заняться проблемами транспортной милиции! – отрапортовал Сумароков. – Только одному здесь не справиться. Если вы не против, Константин Дмитриевич, есть у меня на примете оперативник Иван Козлов. Способный парнишка...

Возражений не последовало.

Глава 4

Нинель Петровна проявляет выдержку

Кто бы мог подумать, что валерьянка может произвести такое губительное действие на организм! Утомленная за эти страшные дни огромным количеством сильных транквилизаторов, которые плескались в ее крови, образуя дурманящую смесь, Нинель Петровна Скворцова сделала усилие воли, и перед тем как ехать на кладбище, приняла валерьянку. Одну лишь валерьянку, заурядные таблетки в цыплячье-желтой оболочке. Не хотела затемнять воздействием услужливо-обесчувствливающих транквилизаторов минуты последнего прощания с Колей. А вышло так, что еще больше себя одурманила: все перед глазами поплыло, руки-ноги перестали слушаться, в ушах стоял звон. В автобусе с надписью «Ритуал» ее укачало, и Нинель Петровна с трудом сдерживалась, чтобы не поддаться убаюкивающему движению и рокоту мотора, звучащему, точно колыбельная. Из кладбищенской обстановки ей запомнилась лишь черная рана могилы, которую не успели заранее вырыть и докапывали при них («Земля мерзлая, лопата трудно идет, пятьсот рубликов не накинете?»). Ноги были точно ватные, и Нинель Петровна, сделав неосторожный шаг, едва не упала в эту прямоугольную яму, по краям которой громоздились насыпи смерзшейся комковатой земли. Ее тут же подхватили под руки, стали успокаивать, причитать: все подумали, что она хотела броситься в могилу вслед за мужем. Нинель Петровна и в мыслях такого не держала, но, едва прислушиваясь к хору утешений наподобие: «Нелечка, бесценная, вы не должны падать духом, надо жить ради детей», подумала, что это было бы не самым худшим выходом из ситуации. Лежать в могиле вместе с Колей...

До кладбища была еще церковь, где священник у открытого гроба произносил непонятные и, как ей чудилось, суровые слова. Нинель Петровна поначалу вслушивалась, пыталась отыскать среди церковнославянской вязи что-то доступное, но вскоре махнула на эти добросовестные попытки рукой и пустила мысли блуждать, где им вздумается. Смотрела на незнакомое лицо Коли (смертельную рану скрывала черная лента с серебряными письменами поперек лба), а думала о том, что зря она, пожалуй, надела на похороны эту шубу из чернобурок: слишком вызывающе, слишком подчеркивает, что покойный был человеком весьма обеспеченным, если имел возможность так одевать свою жену. Правда, ее повседневное пальто на роль траурного никак не подходило: оно же оранжевое!

Верная привычкам отвязной, как сейчас выражаются, юности, Нинель Петровна, даже с ее заметно раздавшейся от четырех беременностей фигурой, предпочитала одеваться не богато, но заметно и стильно. Зато ее черный ажурный платок в церкви выглядел уместно... Они с Колей были крещеные, но скорее неверующие; на отпевании настоял Илья. Вот он топчется справа, распустив по груди черно-седую бородину, хочет сделать Роланду очередное замечание, но, в соответствии с торжественностью ритуала, не смеет. Роланд – тот убежденный безбожник: еле-еле заставили его перед входом в церковь шапку снять. Не хотел, наверное, продемонстрировать лысину, проклянувшуюся в его по-прежнему русских, коротко стриженных волосах. А сейчас стоит с независимым видом, демонстрируя свое желание, чтобы поскорей кончилась эта тягомотина... Поймав себя на том, что мысли ее далеки от прощания с покойным, Нинель Петровна в душе прикрикнула на себя: «О чем ты думаешь, дура? Это же твой Коля в гробу!» Она попыталась настроиться на скорбный лад. Не получилось. Мешала непредвиденная валерьяночная одурманенность, звон в ушах, который становился все слышней, заглушая слова молитв; мешало и лицо покойного, совершенно, как-то глубинно, непохожее на привычное родное лицо Коли.

Нинель Петровне то и дело мерещилось, что она ошиблась при опознании и это все-таки не Коля. А настоящий Коля куда-то срочно уехал и где-то отсиживается. Она была готова

предположить даже невероятное: у любовницы... Ну и пусть! Она простит! Рано или поздно, он обязательно вернется, и они вместе посмеются над тем, что вместо него похоронили какого-то чужого мужика.

Нинель Петровна так и подумала глубокой ночью с 9 на 10 марта, что это неудачный розыгрыш, когда ей позвонили и официальным голосом пригласили на опознание тела, хотя сердце (оно порой бывает умней мозга) екнуло и, показалось, остановилось. «Что? Какое тело? Куда приехать?» – громко, как глухая, кричала она в трубку, а Таня и Родик, выйдя в коридор, смотрели на нее с нарастающим ужасом. О, эти детские глаза, которые не умеют ничего скрывать, от которых ничто не утаишь! «Не волнуйтесь, там какое-то недоразумение, я скоро вернусь», – тщетно пыталась она утешить детей, а ее руки сами по себе лихорадочно срывали с вешалки оранжевое пальто.

Только накинув пальто поверх широченного ситцевого халата, не стесняющего полную талию, Нинель Петровна сообразила, что надо привести себя в порядок: пришлось снимать пальто и одеваться как следует. Пока она подбирала одежду, удалось чуть-чуть успокоиться. «Тело вашего мужа»? Что за ерунда! Конечно, она волнуется, когда он задерживается, но, с другой стороны, у него и раньше случались загулы. Он мог, к примеру, ни с того ни с сего рвануть на поезде в какой-нибудь захолустный городок, сохранивший черты древнерусского облика... Артистическая натура! Нинель Петровна эту Колину особенность не то чтобы одобряла (трудно для жены такое одобрять), но понимала. Она ведь тоже – художница! Если бы не общность интересов, разве смогли бы они прожить вместе двадцать три года...

Все эти долгие годы Коля находился рядом с ней. Остаться без него было так непредставимо, что Нинель Петровна отмела эту страшную возможность: само собой, там, в милиции, что-то перепутали. Пустяки, дело житейское! Это же Россия! Однако руки так дрожали, что она побоялась сесть за руль их семейной «девятки»: поймала такси. Таксист подозрительно вытаращился на толстую тетку в модном оранжевом пальто, но без сумки, без косметики и с торчащими в разные стороны жидкими непричесанными волосами, которая рявкнула, как армейский старшина: «На Пироговскую!» Он, кажется, взял с нее сверх счетчика – наверное, за подозрительный внешний вид. Нинель Петровна едва обратила внимание на эту пустяковину: выдернула из кошелька, который в последнюю минуту успела схватить с подзеркальника и положить в карман пальто, ровно столько, сколько запросил водитель. Голова ее во время поездки была занята совсем не показателями счетчика.

Там, куда ее, встретив у входа, отвели, резко пахло хлоркой и еще чем-то стерильно-свежим, вроде бы проточной водой, и верно, вода журчала где-то в отдалении, вытекая из незакрытого, а может быть, и намеренно открытого крана. К деталям обстановки Нинель Петровна не присматривалась: она сразу увидела Колю. В той же одежде, в которой вышел из дому, он лежал на высокой железной тележке с колесиками в такой позе, будто спал. Только ступни ног были как-то необычно растопырены. Потом ей объяснили, что это природное явление: мышцы у трупа расслабляются, поэтому носки смотрят в разные стороны...

«Коля!» – позвала она, по-прежнему не веря в то, что ей сказали по телефону: как же он может быть «телом», когда он – Коля? Сделав несколько решительных шагов к его железному неуютному ложу, она заглянула Коле в лицо. И тогда наконец увидела... И поняла...

И тогда потребовались транквилизаторы...

Нинель Петровна думала, что худшего кошмара, чем опознание, ей в жизни уже не грозит и что череда самых тягостных вдовьих обязанностей подходит к концу. Ничего подобного: после отпевания и похорон предстояло еще возвращение в их квартиру – большую, четырехкомнатную, в районе Трубной площади. Эту квартиру, купленную в одном из отреставрированных и перепланированных дореволюционных домов на волне самых высоких заработков, Нинель Петровна считала все-таки не самой удобной для своей большой семьи: ей не нравилось, что Родион и Таня, уже всюю осознающие свою разнополость и вступающие в под-

ростковый возраст, спят и переодеваются в одной комнате. Но близнецы в один голос возражали против подселения к ним младшего брата, а они с мужем, поскольку считали себя слишком молодыми, не хотели брать дочь к себе. Четвертую же комнату Николай, едва въехал в квартиру, превратил в свою мастерскую, и это было святое, на нее никто не посягал. «Теперь отправлю Таньку ночевать в студию», – мельком подумала Нинель Петровна, и эта мысль родила новый шок: что это за ужас, что за гадость – решать жилищные проблемы одних членов семьи за счет смерти других! «Мертвым не нужна никакая жилплощадь, кроме ограниченной площади гроба», – сказала себе Нинель Петровна, и ей захотелось разрыдаться.

Спокойно! Предстояли еще поминки.

Ее подруги и жены многочисленных Колиных друзей сделали все, чтобы освободить вдову от хозяйственных хлопот, но Нинель Петровна, пытаясь хоть чем-то занять себя, носилась из кухни в комнату, то поглядывая на плиту, то помогая накрывать на стол. Она отдавала себе отчет в том, что пристойнее было бы не суетиться, а молча посидеть, побыть рядом с детьми, постараться утешить их в колоссальной потере... Но как раз этого-то она и боялась. У младших, двенадцатилетнего Родиона и десятилетней Тани, с той страшной минуты, когда она им сказала, что папы больше нет, глаза были на мокром месте, и Нинель Петровна опасалась, что, если их приласкать, они разрыдаются и тем нарушат хрупкое равновесие, установившееся после похорон. А старшие, студенты Кирилл и Ростислав, давно уже душевно отделились от родителей... Да и были ли они к ним когда-нибудь близки? Братья-близнецы всегда предпочитали обществу родителей – общество друг друга, что вызывало немало трудностей. Стоило огромных усилий научить их разговаривать по-человечески, потому что они с пеленок изобрели собственный тайный язык, состоявший из жестов, гримас, каких-то причудливых младенческих слов...

Стоит ли сейчас навязываться к ним с сочувствием? Эти долговязые здоровилы не умеют выражать свои чувства, но они подавлены. Видно невооруженным глазом: хмурое выражение одинаковых голубых глаз, преждевременная морщинка меж густых прямых («соболиных» – в бабушку) бровей... Какое это все-таки чудо: два человека, а лицо одно! Нет, близнецы у нее замечательные: учатся в университете, унаследовали талант отца.

Родик, младший сын, граффити пока не увлекся, но в школе его хвалят: светлый, солнечный мальчик, лицо класса.

Танечка – бедняжка... такая некрасивая, вдобавок с врожденным дефектом... Ей тем более нужна мама; если папы не стало, без мамы Танечка просто погибнет. Нет, расхожее утешение несет в себе истину: Нинель Петровна должна жить ради детей. Ради таких детей стоит жить.

Опасения не оправдались: дети, даже младшие, вели себя выдержанно, и Нинель Петровна слегка успокоилась. Поминки катились по раз и навсегда установленному распорядку. Пили, не чокаясь, вслух вспоминали достоинства человека, навсегда покинувшего здешний мир. Одни упирали на то, что покойный был замечательным райтером, создававшим монументальные произведения на полотне серых стен; другие (в основном прибившиеся к Коле за последние пять лет) восторгались тем, каким он был смелым дизайнером, способным преобразить в волшебную сказку любой интерьер; третьи говорили о том, что Николай Викторович был прекрасным отцом, воспитавшим прекрасных детей... Нинель Петровна воскресала в атмосфере этих добрых прочувствованных слов. Она успела тяпнуть не одну стопку водки, и от этого валерьяночная одурь прошла, горе не то чтобы изгладилось, но отдалилось. Она уже ожидала, что все мероприятие так же хорошо и гладко закончится.

Не тут-то было! Чинную размеренность гражданской панихиды нарушил не кто иной, как Илья, который ни с того ни с сего, когда выпито было немало, встал, завис над столом со своей бородицей, как черная туча, и провозгласил:

– Выпьем же за Николку нашего! За большого русского художника Николку, убитого вражескими агентами! За то, чтоб заговор их поганый разоблачили и смерть его не сошла бы им с рук!

Среди общества, собравшегося за столом, пронесся стон: если Илья завел свою лабуду о заговорах – пиши пропало. Ни для кого не было секретом, что он, объединяясь с другими такими же, повернутыми на заговорах, тайных обществах и масонах, существует в своем, недоступном для посторонних, мире – до такой степени, что иногда производил впечатление невменяемого. Только дружба юных лет и колоссальный колористический дар Ильи заставляли Николая Скворцова давать ему время от времени дизайнерскую работу. На что он жил в остальное время, непонятно. На паперти побирался, наверное.

– Ох, до чего ж тут некоторым правда глаза колет, – торжествовал Илья. – Не хотят никак признавать, что кругом полно врагов, которые козни строят против России-матушки...

– Потихе, Вайнштейн, – нянча меж ладоней полную рюмку, призвала Илью к порядку Лариска из дизайнерского агентства.

Стрела Ларискиной иронии не попала в цель. Среда, где обычно обитал Илья, увлекалась русским народным спортом под названием «поиски жидов», иными словами, выискиванием в Ельцине – Эльцина, а в Лужкове – Рабиновича. С очевидным, незамаскированным Вайнштейном, каковым по паспорту являлся Илья Михайлович, делать в этом смысле было нечего, поэтому его приняли, как своего, особенно когда он поведал им про русскую маму, ставшую жертвой папаша – еврея-изверга. Папаша у Ильи был и впрямь тот еще: бухал похлеще угрофинна. Илье тоже, ввиду такой наследственности, стоит быть поаккуратнее с алкоголем...

– Так и что же, что Вайнштейн! Если русаки природные, Ивановы, спят, приходится иным Вайнштейнам их будить и трясти. А то эдак всю землю Русскую проспять можно.

Роланд Белоусов, сидевший слева от Нинель Петровны, поморщился. В молодости они – Николай, Роланд и Илья – были неразлучны; с годами отделились – разные характеры, разные пути... Но если покойный Николай поддерживал общение как с Роландом, так и с Илей, то эти двое с трудом выносили один другого. Вот и сейчас назревала очередная стычка, грозящая перерасти в скандал.

– Двадцать лет назад, – откашлявшись, напомнил Роланд, – ты говорил о Советском Союзе как об империи зла, которую нужно разрушить...

– Говорил. Отказываюсь. Глуп был. А некоторые и по сию пору не поумнели.

– Поумнеть, по-твоему, значит, подавлять всякое свободомыслие? Так же, как нас советская власть давила?

– Советская власть – власть безбожная. Нас она тогда давила, потому что красоты не хотела. Не хотела она, чтобы русский человек в красивом доме жил, на красоту смотрел, а хотела, чтобы все серыми были и одинаковыми. Это, я считаю, нехорошо. А вот тех, которые не на словах, а взаправду страну, предками нашими объединенную, рушили да на клочки растаскивали, – правильно давила! Таких и сейчас поприжать не мешало бы!

Нинель Петровна сначала теребила вилку, потом, оставив в покое столовый прибор, принялась тереть лоб. Ничего не помогало: наплывало, возвращалось прежнее состояние тошнотворной одури. Невыносимыми казались эта комната, этот стол, эти гости – все до единого. Она пыталась взять себя в руки... Напрасный труд! Выдержка дала трещину. «Человеческие силы небеспретельны», – облегченно сказала себе Нинель Петровна и завопила во весь голос:

– Эй, вы! Вы что тут устроили? А ну прекратите! Прекратите сейчас же! Друзья, называется! Это поминки или балаган?

Пререкания мгновенно унялись, и гости переполошились. Ей совали, расплескивая, минеральную воду в хрустальном бокале, ее поддерживали под плечи, ее окружили, склоняясь над ней, и, видя их лица совсем близко, Нинель Петровна со всей отчетливостью осознала, сколько здесь людей незнакомых, и полужнакомых, и таких, с которыми они с Колей не виде-

лись годами и не хотели видаться... Одно лицо, мужчины средних лет, отчего-то ее резануло. Знакомое, но не связанное ни с каким известным ей именем... Кто же это?

Лишь бессонной ночью, перебирая в раскаленном и не желающем остывать уме события этого тяжелого, слишком длинного дня, Нинель Петровна вспомнила: да ведь это милиционер, который пытался с ней побеседовать, когда она ни с кем не хотела разговаривать! Из прокуратуры... какой-то высокий чин... А фамилия? Забыла, забыла...

Глава 5

Слава Грязнов узнаёт, что пишут на заборах

– Нет, ты погоди. Ты, Слава, вникни...

Старые друзья, Грязнов с Турецким, превосходно общаются в быту, производя впечатлительные мирных, учтивых людей. Но когда доходит до уголовного дела, над которым они работают вдвоем, – другое дело! Вежливость летит ко всем чертям, а почтенные немолодые люди превращаются в заядлых спорщиков, которые, кажется, готовы подраться, как мальчишки. Особенно их обоих вводит в раж несогласие по каким-то мелким, но кажущимся обоим принципиальными вопросам. Вот и теперь Вячеслав Иванович Грязнов, выказывая полное отсутствие эрудиции в вопросах современного искусства, никак не мог взять в толк, почему тех, кто рисует на заборах всякую ерунду, нужно признавать художниками.

– А чего мне, Саня, вникать? Было бы во что вникать. Подумаешь, глубины какие! А по мне, так: если человек портит стены – никакой он не художник, а заурядный хулиган. Если какой-нибудь малец нацарапал на стене гвоздем слово из трех букв, его тащат в отделение милиции, так? А если он то же самое слово написал на стене краской из баллончика, его посылают на международную выставку, так, по-ихнему, по-графферскому? Ну и к чему мы придем? Нет, ты как хочешь, ты у нас образованный, но, по-моему, молодежь с этими граффити придумала какую-то ерунду.

– Ну если и молодежь, – Турецкий понизил голос, что служило у него признаком уверенности в себе, – то очень древняя. Потому что термин «граффити», да будет тебе известно, генерал, восходит еще ко временам древнего Рима...

– Что, неужели и тогда на стенах писали? – не поверил Грязнов. Беломраморный Рим, знакомый ему по историческим фильмам, где расхаживали сенаторы в длинных простынях и солдаты с перьями в виде панковских «ирокезов» на шлемах, уж никак не представлялся ему разрисованным анилиновыми красками.

– Ну так, как сейчас, – нет, конечно. Материальная база была слабовата, красителей таких еще не изобрели. Но вот царапали – это точно. Кто чем: гвоздями, щепками, холодным оружием. Термин «graffito» ведь и значит «нацарапанный». И если ты думаешь, что выцарапывали только латинскую матерную брань, то ошибаешься. Писали объявления, предвыборные лозунги (демократия уже тогда существовала и цвела махровым цветом), рисовали карикатуры на политических противников. Случалось рисовать и кое-что аполитичное, для души. Можно сказать, это и были первые граффити. Но кое-кто из энтузиастов движения утверждает, что история его еще древнее и что граффити существовали еще в первобытные времена. Что такое, скажем, наскальная пещерная роспись, как не граффити? Обоев первобытная промышленность не выпускала, а украсить скучную серую среду обитания чем-то ярким уже хотелось. Стимул к творчеству – точь-в-точь как у современных райтеров...

Слава слушал и удивлялся.

– Погоди, Сань. Я, конечно, в курсе, что ты у нас не лыком шит, но все-таки – откуда ты это все знаешь?

– Позавчера еще не знал, Слава. А вчера попросил – не в службу, а в дружбу – Рюрика Елагина, чтобы он поискал мне в Интернете подходящую информацию. Он и сделал...

– Так он еще и с компьютером на «ты»? Золотой парень!

– А как же! Попрошу, пожалуй, включить его в нашу группу... Так вот о граффити. Это ведь, Слава, не праздное любопытство. Помнишь, у нас и раньше бывали дела, связанные с искусством? Главное, что я уяснил: не вредно знать, с чем имеешь дело, потому что в каждой избушке – свои игрушки, то есть, по-нашему, по-простому, свой криминал. Это во-первых.

А во-вторых, знания предмета всегда пригодятся для доверительных бесед со специалистами. Так рассказывать дальше про граффити?

– Ну давай, – разрешил Слава. – На чем мы остановились – на древнем Риме или на пещерах?

– Ну, Слава, пещеры, римляне – сегодня не актуально, это для справки. По-настоящему история современного граффити начинается с семидесятых годов, вместе с рождением хип-хоп культуры. Некоторые райтеры, особенно те, которые терпеть не могут хип-хоп, это отрицают, но факт остается фактом: если хип-хоп и граффити – не одно и то же, зародились они одновременно.

Был в Нью-Йорке парень, работавший курьером: целый день туда-сюда бегал по Нью-Йорку. И чтобы совсем не спать от такой работы, полюбил рисовать на стенах свою художественно выполненную подпись. Вслед за ним это стали делать и другие американские парни. Подписи эти у райтеров до сих пор называются «тэги», и каждый тэг настолько же индивидуален, насколько... ну как любая подпись человека. Когда их стало много, они начали соревноваться, чей тэг лучше выполнен. Рисовали чем угодно: маркерами, штемпельной краской, краской для обуви, которую научились загонять в пустые баллончики из-под дезодорантов. Те, кому совсем нечем было заплатить за эти премудрости, воровали нужный инвентарь из-под носа зазевавшихся продавцов. Так что кое в чем ты, Слава, прав: наши нью-йоркские коллеги-полицейские заинтересовались райтерами с самого начала, хотя бы по этой причине.

– А по причине того, что они портили заборы, их не ловили?

– Если бы только заборы, Слава! Граффити скоро и в метро пробралось. До райтеров быстро дошло, что самый смак – это разрисовывать движущиеся объекты, например поезда. Юные художники проникали в депо, а наутро поезда выходили оттуда, так сказать, преображенными. Веселенькой, не заводской, в общем, расцветки... В 1976 году разрисовали целый состав! Начальство нью-йоркской подземки долго боролось с райтерами и наконец выжило их из своих владений. Но и сейчас есть такие личности, которые даже из Европы приезжают в Нью-Йорк – колыбель граффити, – чтобы там оставить свой тэг. Засветиться, так скажем...

Слава Грязнов наморщил лоб:

– И тут метро, и там метро. Зам главы метрополитеновской милиции встречается с бывшим главой московских райтеров, и их убили. Не наводит ни на какие мысли?

– Наводит. На много мыслей сразу, но ни одной подходящей среди них не наблюдается. Фактов у нас маловато...

– А по граффити еще какие факты? Я имею в виду наши, криминальные?

– Криминальных, Слава, хоть отбавляй. Некоторые уголовные группировки в Америке поставили граффити себе на службу и метят таким образом места своего действия, чтобы не допускать на подвластную им территорию конкурентов. Может, и у нас что-то похожее есть, правда, лично я до сих пор не сталкивался.

– Надо бы покопать, – нахмурился Слава.

– Ну вот! А говоришь, «все ясно», «какие тут глубины»...

– Так чего ж ради мы с тобой спорим? – уперся Слава. – Я сказал всего-навсего, что те, кто пишут на заборах и на стенах, – хулиганы, а ты говоришь, что они – уголовники. Я тебе сказал, что граффити – это дурь, а не искусство...

– Так ведь в том-то и дело, что именно искусство! – Турецкий метался в поисках слов, нужных для того, чтобы переубедить несговорчивого друга. – Со своими творцами, своими потребителями, своими законами. Не говоря уже о том, что нацарапать на заборе слово из трех букв доступно каждому, а чтобы создать произведение граффити, новичку приходится потратить не один месяц, а то и не один год...

Слава Грязнов смотрел на друга такими кроткими увещающими глазами, что объяснения мало-помалу увядали, пока вовсе не канули в пустоту.

– В конце концов, Слава, это красиво. Просто красиво – для людей, которые ценят такую красоту. Поверь.

Турецкий и сам не понимал, зачем ему нужно, чтобы Грязнов поверил в красоту граффити, к которой Александр Борисович и сам был не слишком восприимчив. Может быть, потому, что при игнорировании этого факта рассмотрение дела становилось слишком прямолинейным, из него исчезали какие-то неожиданные точки и углы зрения, которые могли оказаться решающим для разгадки.

Могли, впрочем, и не оказаться...

– Так и быть, Слава, оставлю тебя в покое. Можешь считать граффити искусством, можешь не считать. А мне пора уделить внимание человеку, для которого граффити – искусство, а не что-нибудь другое. Большую часть жизни она, образно говоря, под его сенью провела...

Глава 6

Сумароков тренируется в каллиграфии

Что общего было между такими разными людьми, как заместитель шефа милиции на метрополитене Борис Бирюков и один из основателей русского «граффити», а в последние годы дизайнер, Николай Скворцов? Что связывало их, помимо воспоминаний о школьных годах, любимых и нелюбимых учителях и пропущенных уроках? Их профессиональные интересы, казалось бы, совсем не пересекались. У каждого были свои приоритеты, свои ценности... свои враги... Кого именно они хотели убрать? Был ли убит Скворцов за то, что находился рядом с Бирюковым, или, наоборот, Бирюков пал случайной жертвой знакомства со Скворцовым? А может, то и другое неверно, и оба просто-напросто оказались в неудачное время в неудачном месте, случайно подсмотрели нечто, не предназначенное для постороннего взгляда?

Каждый из этих вопросов заслуживал внимания, и Турецкий решил заняться продвинутым художником Николаем Скворцовым. Художники обычно приобретают врагов не меньше, чем простые смертные, хотя причины, по которым один художник способен невзлюбить другого, лежат обычно вне круга интересов простых смертных. Значит, потребуется помощь, и Турецкий даже знает, какого молодого сотрудника (точнее, сотрудницу) необходимо привлечь... А следователю Сумарокову, уверенному, что убийство связано с криминалом, которого полно в Московском метрополитене, поручил разработку этого направления. В помощниках у него решил оставить Ивана Козлова, который производил впечатление парня неглупого и энергичного. Возможно, в процессе проверки всплывут какие-либо факты, связанные с местью к генералу со стороны каких-либо преступных группировок, которым он сильно в последнее время противодействовал, что называется, наступил на хвост?

Для этого в первую очередь надлежало допросить штаб УВД, то есть офицеров, близких по службе к генералу Бирюкову. Этим и занялись, не откладывая в долгий ящик. Допрашивали врозь и всех вместе. Через час допроса в комнате стало синё от сигаретного дыма, а к середине дня воздух приобрел такую плотность, что глаза невольно искали тот самый инструмент, который в поговорке употребляется для проверки плотности атмосферы – топор. Иван Козлов принципиально не курил: увиденная на вскрытии картина легких курильщика, затянутых черной сеткой, навсегда отвратила его от этого пагубного занятия. Сумароков не имел привычки курить и благодарил только насморк, который не успел кончиться и хоть как-то хранил его нос от покушений никотина. Зато другая привычка оставалась при Сумарокове в любых обстоятельствах, и, выслушивая офицеров-транспортников, он успел исстрочить своим мелким почерком скрупулезного бюрократа не один лист формата А4 – и с одной, и с другой стороны.

«Тоже мне Лев Толстой», – с оттенком неприязни подумал Иван. Почерк Толстого он никогда не видел, но пребывал в полной уверенности, что граф, до которого мужика-то в русской литературе и не было, писал мелко: проживая в Ясной Поляне, вдали от петербургских магазинов канцпринадлежностей, следовало экономить бумагу, чтобы ее хватило на всю эпопею «Война и мир»! Вопреки неприязни в Иване нарастало желание посмотреть, чего там Сумароков все пишет и пишет. Что до Ивана, недостатки его памяти подстраховывал диктофон.

Сумароков чувствовал себя в своей стихии: кропотливая, нудная работа его, в отличие от некоторых горячих и не в меру романтических личностей, не раздражала. Уж кому, как не ему, было ведомо, что схватки, погони, перестрелки – все это лишь внешняя сторона вот такой повседневной работы... Точнее, даже не так: все это – следствие недоработки, издержки производства. Где-то кто-то недодумал, недотянул – другим служакам пришлось палить из

«макарова» или ТТ. А чтобы все тщательно продумать, надо все тщательно отразить на бумаге. Виталий Ильич свято верил в то, что сложные движения правой руки проясняют мозг. Можно печатать, не думая (профессиональная болезнь машинисток, не утруждающих себя умственными процессами), но писать, не думая, нельзя. И в этом великая дисциплинирующая сила каллиграфии.

Во всяком случае, мозг Сумарокова прояснился более, чем можно было ожидать от мозга страдающего насморком человека в прокуренной атмосфере. Дела, которые незадолго до убийства причиняли генерал-майору Бирюкову головную боль, можно было разбить на две группы.

Первая – все факты, относящиеся к разбирательству с мафией нищих. До Бирюкова милицейскому начальству метрополитена оставалось лишь, разводя руками, вздыхать, глядя на безногих в защитной форме и на женщин, пытающихся разжалобить пассажиров младенцами, которые всегда подозрительно безгласны и подозрительно много спят. Борис Валентинович решил положить этому безобразию предел. Папочка, в которой содержалось его досье на асов вымогательства, росла и росла. И когда она достигла весьма солидных размеров, произошел эпизод, который долго не забудут в штабе УВД.

В то достопамятное утро здесь буквально соткалась из воздуха девушка, тихо, но настойчиво твердя, что ей нужно срочно встретиться с генерал-майором Бирюковым по срочному делу... Свидетели, видевшие ее, сказали «девушка» – и как иначе прикажете назвать человека в длиннополом пальто, из-под которого торчит юбка, и с белым платком на голове? Однако те, кто бдительно заглянул под платок, напоминающий медицинскую повязку, были ошеломлены тем, что над верхней губой существа, по всем прочим признакам, женского пола вились жидкие, но несомненные усики. Такого же характера черная поросль покрывала нездорово-бледную кожу подбородка. Потом указывали, что эту усатую очаровательницу замечали на станции метро «Преображенская площадь», где она стояла с раскрытой холщовой сумкой и с табличкой на груди: «Подайте на гормональную операцию».

О чем они беседовали, никто не слышал: жертва гормональных неполадок потребовала, судя по всему, конфиденциальности. Однако лейтенант Митяев совершенно отчетливо услышал, как нищенка в дверях бирюковского кабинета обернулась и напомнила:

– Так вы, пожалуйста, не забывайте: две недели осталось.

Случилось это в точности за пятнадцать дней до того, как штаб УВД был потрясен известием о смерти генерал-майора Бирюкова...

Вторую группу – несравненно более страшную – составлял терроризм, который в последнее время выбрал метрополитен одной из своих самых удобных мишеней. Удачнее не придумаешь: скопление народа, особенно в часы пик, теснота, взвинченность вследствие спешки делают теракт особенно изощренно-гнусным. Прибавьте к этому нервный страх, который часть наших сограждан испытывает по отношению к метро... Этот страх доказал, что он не напрасен, что бегущий под землей электропоезд способен превратиться в железное пекло, набитое миссом окровавленных тел. Генерал-майор Бирюков решительно претворил в жизнь ужесточение контроля в метро, вопреки мнению некоторых представителей прессы, считавших такие меры слишком крутыми и нарушающими права человека. Теракты прекратились... Надолго ли?

Какую версию предпочесть? Такого вопроса не стояло. Надо работать с обеими.

– Ну как, Иванушка? Что берешь: нищих или терроризм? – Жесткие губы Сумарокова растянулись в обаятельной улыбке. Точь-в-точь ведущий телевикторины: «Деньги или приз?»

– Нищих, – выбрал Козлов.

– Правильно, – одобрил Сумароков. – Терроризм никто бы тебе все равно не доверил. Зелен еще.

Глава 7

Нинель Петровна идеализирует прошлое

– Я сразу узнала вас, Александр Борисович, вы были на поминках. Вы меня, позвольте считать, спасли, когда Илья и Роланд затеяли скандал... Нет-нет, не отпирайтесь, так и было! Спасибо! Какая любезность со стороны работника прокуратуры. Коля был бы польщен... То есть что я несу, если бы Коля был жив, в вашем визите отпала бы надобность... Но жаль, что вы не познакомились. Мне кажется, вы понравились бы друг другу. Вы чем-то похожи: мужественные и деловые.

Александр Борисовичу Турецкому давненько не доводилось встречать таких полных... нет, таких элегантных... нет, таких полных и элегантных одновременно женщин, как вдова художника Скворцова. Нинель Петровна как-то сразу освоилась в его кабинете: немедленно разместив пышные бедра на стуле, почти вызываяще задрапировалась в складки своего зелено-фиолетового просторного одеяния и попросила разрешения курить. В ответ на удивленный взгляд старшего помощника генпрокурора мать четверых детей с ослепительной улыбкой призналась, что дома ей, среди всей этой ребятни, редко выдается возможность покурить, но сейчас, когда ее начнут расспрашивать о подробностях преступления, не обойтись без сигареты. Александр Борисович имеет право спрашивать о чем угодно, но лично она попросила бы оказать ей любезность и не расспрашивать, какое впечатление на нее произвело тело мужа, когда она забирала его из морга...

Турецкий не перебивал ее, просто смотрел, отмечая и отсутствие нескольких зубов, которое выдавала улыбка, и нервное подрагивание сжимающих сигарету пальцев с квадратными ногтями.

– Нинель Петровна, а те двое друзей вашего покойного мужа, которые затеяли скандал на похоронах, – они часто ссорятся? – задал он совершенно не тот вопрос, который она имела основание ожидать.

– Н-ну, как вам сказать... да, часто. В последнее время – всегда, при каждой встрече. Я думала, хотя бы смерть Коли их образумит.

– Насколько я понимаю, они дружили с вашим мужем по отдельности и не ладили между собой?

– А вот здесь вы ошиблись, Александр Борисович. Я понимаю, ошибиться легко – тому, кто не знал нас раньше. В 1985 году, когда мы познакомились...

Социологи в недоумении разводят руками, сталкиваясь с необъяснимым феноменом: во времена перестройки кривая смертности граждан СССР резко пошла вниз! Некоторые заядлые трезвенники приписывают это достижение горбачевской антиалкогольной кампании; однако, если учесть, сколько людей умерло от употребления антифриза и некачественного спирта, общее увеличение популяции не находит даже такого примитивного объяснения.

Что касается Нинель Петровны, она убеждена: в это замечательное время – самое замечательное в ее жизни – наполненный надеждами воздух был настолько пьянящим, что не давал умереть. Он рождал жажду необыкновенного, он приносил чудесные ароматы экзотических цветов, он внушал уверенность, что стоит прожить еще чуть-чуть. Вот-вот на земле должно было появиться нечто светлое и хорошее, поэтому никак нельзя было ложиться в могилу, не посмотрев на это хотя бы одним глазком... Идеальное мировосприятие носилось в воздухе эпохи.

Или так представляются Неле те годы из-за того, что это было время ее молодости?

Нинель – имя вполне идеологически выдержанное: «Ленин», прочитанное наоборот. Но родители, когда награждали им новорожденную девочку, о Ленине не думали: просто дали

дочери красивое, с намеком на заграничность, имя. Нинелью ее, если разобраться, никто и не звал. Не звали даже Ниной: все только Нелей, Нелечкой. Из трех сестер родители ее больше всех любили и баловали. Потом, правда, отец сокрушался о том, что «избаловали, ох, Нельку!», а мать запоздало грозила надрать уши за то, что любимое дитя школьной программе предпочитает самостоятельное чтение, а учителей и родителей авторитетами не признает. Надиране ушей не состоялось, а рано созревшая семнадцатилетняя красотка сбежала из Москвы вслед за людьми, которые были для нее по-настоящему авторитетны, на фестиваль брейк-данса в Калининграде.

В те годы фестивали – и не только брейк-данса – вспыхивали и перемещались по всей стране, и стоило лишь подождать, когда очередное мероприятие развернется в Москве. Но, во-первых, молодость не умеет ждать, а во-вторых, молодость жаждет приключений. А невиданный доселе Калининград, бывший Кенигсберг, был настоящим приключением. Готические шпили. Средневековые мостовые. Зеленые лужайки и живые изгороди. Кафе, где к кофе подают марципаны. А главное – безбрежная молодежная свобода, о которой приходилось только мечтать в чопорной, азиатской, связанной по рукам и ногам Москве. Неля днем бродила без устали по городу в компании таких же приезжих, как она, завязывала ни к чему не обязывающие, но радующие душу знакомства, а по вечерам отправлялась на фестиваль.

Фестиваль даже на фоне свободного и свободолобивого Кенигсберга виделся государством в государстве – отдельной страной, хрупкой, яркой и недолговечной, как бродячий цирк. Ломаные, насекомьи, искусственные движения танцоров казались Неле любопытными, но не привлекали всерьез, хотя она отдавала себе отчет, что за каждым из этих изощренных движений стоят многочасовые тренировки. Она не бредила танцорами, как другие девушки из групп поддержки, приехавшие, как и она, из других городов – вслед за кумирами. Нелю привлекали декорации. Они-то и придавали фестивалю брейкеров вид обособленного неземного зрелища, обиталища избранных. Эти необычно яркие краски... эти буквы, которые нарисованы такими выпуклыми, что едва не падали с холста... Неля немного рисовала, так что могла оценить то, как это было сделано. Если большинство ее ровесниц преклонялись перед теми, кто выступал на сцене, она, не по годам проницательная, отдала сердце тем, кто эту сцену создал.

Первым, кто с ней познакомился, был Роланд Белоусов: из этой неразлучной троицы («тройни» – шутили на их счет) он всегда был и остался самым контактным, легко сходящимся с людьми – правда, легко и рвущим связи... Все участники фестиваля (позднее – все райтеры Москвы и Питера) знали его как Колобка: дело было не в телесной полноте – самым полненьким из них был скорее Илья, – а в той гладкости и округлости, которая предполагается у сказочного персонажа, который и от бабушки ушел, и от дедушки ушел, и в дальнейшем с фольклорной простотой завязывал отношения с разнообразнейшими животными, хищными и прекрасными, катясь сквозь дебри житейского леса. Красавец Коля Скворцов – можете не верить, Александр Борисович, но в молодости покойный муж был по-настоящему красив – носил прозвище Птах, в котором объединились птичья фамилия Николая и имя древнеегипетского бога – создателя миров. Илья, коренастый, застенчивый и угрюмый, с упрямой круглой головой, был известен под именем Фантомас; почему – она не знает: раньше принимала это как само собой разумеющееся, а теперь уже как-то неловко спросить о причине давнего прозвища седого, строгого Илью Михайловича...

Все они были старше Нели: Коле, самому старшему, исполнилось двадцать пять. И путь к граффити у них был разный. Николай был профессиональным художником, искателем новых форм, Илья и Роланд, которого ей до сих пор привычнее звать Ролкой, начали познавать мир искусства непосредственно с райтерского мастерства. Они, собственно, и были зачинателями граффити в России – не они одни, но и они тоже. Как и другие, жадно рассматривали фотографии поездов нью-йоркской подземки, преображенных райтерами, договаривались с матросами дальнего плавания, с уезжающими за границу знакомыми, чтобы получить клочки информа-

ции о своем увлечении. Худо ли, бедно, но вопреки всем препятствиям дело набирало обороты, и первые граффити разукрасили стены Калининграда, Риги, Ленинграда – смел ли тогда кто-нибудь подумать, что его вновь назовут Санкт-Петербургом? Эти культурные столицы, отдаленные от политизированной Москвы, были восприимчивы ко всему новому. Первым райтерам помогал Латвбытхим, первым в СССР освоивший выпуск краски в аэрозоли. Илья вспоминает, что когда он приехал в Ригу и увидел первый пис, то немедленно побежал в ближайший магазин, купил баллончиков с аэрозольной эмалью и накинулся на взывающую к пересотворению стену, одержимый одним желанием: рисовать, рисовать, рисовать!

Все они были хороши. Всех их признавали, по молодости лет, одинаково талантливыми (правда, Птах все же шел впереди). Но не только в таланте было дело, когда Неля из всех троих выбрала и полюбила именно Колю...

Он был одинок. Звучит смешно, прямо как основная черта романтического героя, неуместная в наше время, но одиночество было ему свойственно, как хромоту – костыль, как беременной – огромный живот, как любителю шахмат – портативная шестидесятичетырехклеточная доска, на которой он, улучив свободную минуту, разыгрывает сложные, умозрительные, непонятные для других комбинации. Эта сложность внутреннего мира являлась всем остальным только в те мгновения, когда она прорывалась на холст или чистую стену в виде умопомрачительных гигантских букв в технике «3D», анилиновых джунглей, сотканых из красок персонажей, полных красоты и ужаса.

То были действительно шедевры, сейчас Нинель Петровна не стыдится этого затертого слова, взамен которого, однако, ничего лучшего не придумали. Но и тогда семнадцатилетняя Неля взидала и на них, и на их создателя снизу вверх – преимущественно издалека. Птах был недоступен; с Белоусовым-Колобком она чувствовала себя проще. Он и рассказал ей, якобы по секрету (на самом деле этот секрет рано или поздно узнавали все), что Птах давно уже один – совершенно один. Обитает в большой трехкомнатной, правда запущенной, квартире в центре Ленинграда. Сам себе готовит, сам себе стирает, даже научился, в условиях дефицита, перешивать себе предлагаемые убогой послебрежневской легкой промышленностью вещи во что-то пристойное. Эта наука была свойственна ему с детства: мать, красивая и легкомысленная, сыном интересовалась мало и кочевала от мужика к мужику, надолго бросая мальчика, которому приходилось оставаться на хозяйстве. Если классифицировать женщин по системе «мать – любовница», то Клавдия – стопроцентная любовница, в ней не было ни грамма от матери! Привыкла жить на чужой счет, привыкла клянчить деньги... Колин отец, надломленный моральным обликом этой особы, к сыну привязанности не испытывал, тем более что у него появилась другая, благополучная семья. Женщины в трехкомнатной квартире не задерживались: Птах питал пристрастие к божественному образу существования, чего ни одна из них долго вытерпеть не могла.

«Я вытерплю!» – поставила себе программу-максимум Неля и принялась воплощать ее в жизнь с решимостью и упорством своих семнадцати лет. Разумеется, пространственно-временных рамок фестиваля в Калининграде для достижения поставленной цели оказалось мало. Предстояли ей еще и поездки в Ленинград (который, впрочем, коренные жители так и не прекращали называть Питером), и как бы случайные появления то в одной знакомой Птаху компании, то в другой, и негодование родителей по поводу того, что дочка последний стыд потеряла, и тихое примирение с родителями...

А главное, предстояло научиться граффити! Пусть не в таком объеме, как Птах, ну да ведь она и не стремилась стать самым выдающимся райтером всех времен и народов. Илья-Фантомас по фамилии Вайнштейн, который, как обнаружилось, проживал в маленьком подмосковном городке, в отдельном доме, с больной матерью после смерти крепко пившего отца, охотно согласился давать ей уроки. Илья всегда был талантлив, но совершенно лишен честолюбия, а потому ни с кем не конкурировал и ни перед кем не заносился. Сколько Нинель Пет-

ровна его помнит, его волновали исключительно мировые проблемы, заковыристые вопросы наподобие «Ради чего стоит жить?». В религию он тогда еще не ударился: это случилось позже, причем до православия Илья увлекался иудаизмом и пытался штудировать каббалу... Но их совместные уроки – это было еще даже до иудаизма. В подмосковных, пахнущих прелой осенью окрестностях железнодорожных путей, избрав в качестве холста километры бетонных заборов, они тренировались в искусстве настенной росписи и смывались от агрессивно настроенных личностей, которые не считали их настенные росписи искусством. Илья учил ее самому простому: как создавать эскиз, на который потом лягут краски, как держать баллончик, чтобы не испачкаться, как выйти из положения, если стена мокрая... Неля внимала всему, что бы ни говорил Илья, лелея мечту, что совсем скоро благодаря этим урокам она сможет быть ближе к Николаю.

А оказалось, Николаю это все было совершенно не нужно. Нелю приблизили к нему не райтерские навыки, а ее наивные круглые глаза на круглой мордашке в сочетании с типично Нелиными острыми локотками и тончайшей талией – ох, самой трудно в это поверить! Оказалось, что Николай считает достоинством не ее райтерские поползновения – таких мастериц вокруг него было пруд пруди, – а ее тягу к созданию прочной семьи. Для Коли семья – это святое; возможно, потому, что он-то, бедняга, нормальной семьи не знал... Как дети, играющие в «дочки-матери», они планировали семейный бюджет – было бы из чего планировать! – обсуждали количество детей, придумывали им самые замечательные имена. И когда Неля, навестив хмурю врачуху в районной женской консультации, получила подтверждение, что она действительно беременна, ее чувства были далеки от стандартных эмоций залетевшей без мужа соплушки. Неля испытывала острый прилив счастья. Потому что Коля Скворцов был одним из немногих мужчин – может быть, единственным, но тем ценнее, – которых можно удержать с помощью ребенка. Неля щедро подарила ему то, о чем он всегда мечтал: у них действительно получилась идеальная семья!

Близнецы оказались зачаты в конце восьмьдесят пятого...

– Нинель Петровна... – Голос старшего помощника генпрокурора вывел ее из прошлого, в которое она погрузилась, точно в теплую ванну, вообразив на секунду, что все молоды и жизнь по-прежнему впереди; она вздрогнула, словно проснувшись. – Нинель Петровна, кто из этих двоих – Белоусов или Вайнштейн – в последнее время теснее общался с вашим мужем?

– Так сразу и не ответишь... С Ильей Коля чаще соприкасался по работе: они вдвоем занимались дизайном. А Ролка главным образом забегал к нам домой, иногда случалось ему попадать в то время, когда Коля еще не вернулся из дизайнерского агентства. Тогда он сидел у нас, болтал с детьми, я угощала его чаем... В общем, Коля общался и с тем, и с другим.

– А из-за чего эти двое все-таки невзлюбили друг друга?

– Если бы они были мужем и женой, можно было бы сказать: «Не сошлись характерами». Но поскольку они друзья, то вернее будет: «Разошлись характерами». Знаете, как если люди идут вначале по одной дороге, а потом она разделяется надвое, и так же расходятся их пути... Видите ли, Александр Борисович, они и в молодости были совершенно разными, но тогда их объединяло общее увлечение, общая бедность, общая идеология, которая заключалась в том, что все старье надо оттащить на помойку. Сейчас все по-другому, да, все по-другому...

– У Белоусова и Вайнштейна были конфликты с Николаем Викторовичем?

– Конфликты? Так сразу в голову не приходит... – Кажется, Нинель Петровна сегодня разыгрывала нарочитую медлительность, но отвечала по существу. – Ролка вечно подтрунивал над тем, что Коля забросил граффити ради дизайна, гребет деньжищи лопатой, совсем обуржуазился. Ролка ведь по-прежнему верен увлечению молодости: постоянно ездит на фестивали граффити. Намекал на то, что Колю все уже забыли, что в международном движении граффити он, Ролка, занял его место... Ну Николай к этому относился спокойно: он считал, что често-

любие хорошо в молодости, а в зрелые годы надо задаваться более серьезными вопросами, чем популярность. А вот шуточки о деньгах его смущали: когда Ролка их заводил, все старался перевести разговор на другую тему.

– С Белоусовым понятно... А Вайнштейн?

– Илья? Ну Коля над ним подсмеивался за то, что он примкнул к какой-то вроде бы секте, которая считает святыми Ивана Грозного и Распутина. Над Илюшкой все подсмеиваются, в глаза и за глаза, но он на это не обижается. В крайнем случае, отвечает чем-то наподобие «Блаженны, егда поносят вас...». Ну так ведь это пустяки.

– А кроме этого? У людей, которые вместе трудятся над одним, скажем, дизайнерским проектом, неизбежны трения...

– Нет. Это – нет. Никаких трений у моего мужа с Ильей Вайнштейном не возникало и быть не могло. Они идеально сработались.

– Идеально, – задумчиво повторил Турецкий. – Нинель Петровна, сегодня вы часто повторяете слово «идеал», «идеальный» применительно к событиям прошлого. Вас можно понять: когда человека настигает горе, прошлое рисуется ему в радужном свете. Но чтобы помочь нам найти убийц мужа, вы не должны умалчивать о темных пятнах... о том, что кажется вам подозрительным...

– Подозрительным? – Квадратный ноготь Нинель Петровны придавил окурок в пепельнице, точно фашистскую гидру. – Ничего подозрительного! Вам в это трудно поверить, потому что вы постоянно общаетесь с преступниками, но у нас с Колей на самом деле была замечательная семья. И замечательные друзья, и замечательный круг знакомых... Если вы собрались подозревать кого-нибудь из них, вы на неправильном пути. Я вам ответственно заявляю: здесь искать нечего!

Глава 8

Галя Романова наводит чистоту

Отжимая тряпку, Галя низко наклонилась над ведром, отдувая волосы, которые лезли в рот и падали на глаза. Ведро было пластмассовое, голубое, зарубежной хитрой формы, а тряпка – клетчатая, гигроскопическая, прямиком из целлофановой упаковки. Ведро служило напоминанием о соседке Ире, которая купила его незадолго до того, как уехала в свой провинциальный городок, не выдержав столичной борьбы за жизнь. «Всего тебе наилучшего, подруга! – попрощалась Ира. – Спасибо за борщ и пирожки. Желаю тебе тоже поскорее свалить из этих тухлых апартаментов, только не в свой Ростов-на-Дону, а в новую шикарную московскую квартиру». Саму Ирку трудновато было назвать везучей, но пожелание ее сбылось: Галя – спасибо Вячеславу Ивановичу! – после общежитийской маеты наконец-то обзавелась столичными квадратными метрами. Голубое ведро переехало с Галей в новую однокомнатную квартиру, а что касается тряпки, пришлось разориться на двести семьдесят рублей. Конечно, человек со стороны изрек бы с умным видом, что на тряпку можно было пустить какую-нибудь ненужную ветошь, вроде рваного халата или старой ночной рубашки, но, как выражался дядя Федор в любимом Галином мультфильме: «Чтобы продать что-нибудь ненужное, надо сначала купить что-нибудь ненужное, а у нас денег нет».

С деньгами у Галочки было негусто, поэтому она следила за одеждой и не допускала ее превращения в ветошь. Каждый халат (2 штуки) и каждая ночная рубашка (1 штука) были у нее на счету...

Разогнувшись в пояснице («Ой, мамочка моя родная!»), Галя отерла мокрые руки о бедра, чтобы наконец собрать непослушные волосы под заколку. Расставив полные ноги, она стояла, размыто отражаясь в луже на мокром линолеуме, выстилавшем коридор. Только теперь она сообразила, что сначала надо было вымыть кухню, грязь из которой неизбежно перенесется в коридор. Но в коридоре, по весеннему времени, было так натоптано, что она решила начать с него... Ой, мамочка родная!

Первое время Галя пребывала на седьмом небе оттого, что у нее есть отдельная квартира, куда никого не могут подселить, вся в Галином распоряжении – поди плохо! Пусть на окраине Москвы, далеко от Петровки, а все-таки отдельная, своя, не общежитие: живи – не хочу! Первые дни после новоселья Галя праздновала. То и дело бегала на кухню, а приходя вечером с работы, по часу сидела в ванне. Но прошло некоторое время, и Галя встретила лицом к лицу с реальностью: квартира, если смотреть на нее трезвым взглядом, выглядела не слишком хорошо. То есть чтобы жить в одиночестве, она достаточно хороша, а вот гостей позвать уже стыдно. Черный вспученный паркет и пузыристый линолеум, перекореженный протечкой сверху потолок, лишенные обоев стены, ворчащая и плюющаяся сантехника... Безусловно, с этим надо было что-то делать. Старший лейтенант Романова приглашала не одну бригаду мастеров-ремонтников, но все они, составив предварительную смету, приходили к выводу, что меньше, чем тремя тысячами долларов, здесь не обойтись. При зарплате в сто долларов необходимость затрат на одежду и еду отодвигала ремонт в неоглядные дали. Значительно выручала Галю мама, из Ростова-на-Дону привозящая любимой доченьке сумищи с консервированными овощами и фруктами, чтоб дитя не голодало, но, к сожалению, среди продуктов повседневного спроса есть множество таких, что не законсервируешь. Лично ей, Гале, консервы без хлеба есть противно... Мама смотрела на быт любимой доченьки скорбными глазами и постепенно начинала всхлипывать и уговаривать Галю вернуться домой, где нет таких страшных морозов, где у нее будет все, что пожелает, где мама ее как следует откормит, а то она уж стала такая худющая, что жуть взглянуть. Доводы, что доченька любит свою работу и хотя бы поэтому

счастлива, что в ее годы быть старшим лейтенантом и иметь квартиру в Москве – крупное достижение, на маму не действовали. От этих причитаний Галино хорошее настроение сразу становилось плохим, а если настроение и до этого было плохим, то становилось просто омерзительным. Поэтому, несмотря на консервы, Галя не слишком любила, когда к ней приезжала мама.

Вот и вчера, когда мама позвонила, чтобы предупредить о своем очередном визите недельки через две, дело кончилось рыданиями и настроение Гали упало до отрицательных величин. «А может, и вправду? – пришла тогда невеселая мысль. – Может, мое настоящее место в Ростове-на-Дону, а то, что меня так ценит милицееское начальство в Москве, ничего не значит? Где родился, гласит пословица, там и сгодился. Ира, соседка, вот тоже какая амбициозная была: хотела покорить столицу, выскочить замуж за сына богатеньких родителей, но и она сдалась. Может, и мне предстоит то же самое? Тогда уж лучше не тратить силы и возвращаться поскорей. По крайней мере, мама успокоится. Ей нельзя волноваться: в последние годы она все жалуется на сердце...»

Галя знала, что несправедлива, что в Москве ее любят, ценят и продвигают по служебной линии, что Вячеслав Иванович Грязнов – чуткий человек, не раз помогавший старшему лейтенанту Романовой, но после разговора с мамой не в состоянии была сладить со своими горькими мыслями. Разум подсказывал, что незачем горевать и злиться. Это бесперспективно. У нее просто весенняя депрессия. Авитаминоз и все такое. Настанет, в конце концов, лето, и все пройдет. А пока не мешало бы отвлечься, подумать о чем-нибудь хорошем... Но каким образом она может отвлечься, Галя представления не имела. Уже два месяца, как она купила цветной телевизор, расположив его в точности напротив дивана, но смотреть телик после работы не было сил. Особенно раздражали боевики и фильмы про бандитов, расплодившиеся по всем каналам в запредельных количествах. Так, разве если изредка старый хороший фильм покажут по «Культуре», без рекламы... В кино, в театр сходить? Билеты дорогие, да и одной идти не хочется, а друзьями, кроме сослуживцев, Галя в Москве не обзавелась. Ирка вот вечно болтала по телефону... У Гали телефон всегда был свободен, потому что болтать ей не с кем. И ей никто не звонил.

После маминого звонка пропитанная книжными ассоциациями Галя отметила, что в своем нынешнем состоянии больше всего напоминает себе д'Артаньяна. Не того, каким он был в «Трех мушкетерах» – юного, оптимистичного, счастливого тем, что у него есть друзья, есть дело, позволяющее найти для себя уйму приключений, – а того, каким он предстает в романе «Двадцать лет спустя»: разочарованного и усталого. То, что недавно казалось приключениями, превратилось в рутину, работа плохо оплачивается, с личной жизнью полный швах, да тут и не до личной жизни, когда все время отнимает служба. Галя и д'Артаньян даже состоят в одном звании... Правда, звание старшего лейтенанта в войсках королевских мушкетеров, кажется, отсутствовало, но должность оперуполномоченного 1-го отдела Департамента уголовного розыска, который занимается раскрытием особо опасных и тяжких, так называемых громких, убийств тоже кое-что значит. Может, она в свои двадцать пять забралась все-таки повыше, чем д'Артаньян в свои сорок? Слабенькое утешение: он первого повышения по службе тоже быстро достиг, а потом на долгие годы в лейтенантах застрял...

Да, совершенно точно: у нее депрессия. Но что, если люди неправильно судят о депрессии? Почему-то считается, что депрессия – это когда все вещи видятся в черном свете. А вдруг депрессия – это когда все вещи видятся в истинном свете? Вот в чем ужас-то!

При воспоминании о том, какие глупые мысли терзали ее вчера, Галя улыбнулась. Сейчас жизненные силы в ней так и бурлили. Чтобы дать им выход, она подхватила ведро, широким шагом пошла в санузел и там яростно завозила тряпкой по кафельному полу, навевавшему мысли об общественных туалетах. Вчера она была полна тоски, сегодня – полна энергии. А что тому причиной? Один-единственный разговор!

Сегодня утром старшего лейтенанта Романову вызвал к себе Вячеслав Иванович и кратко ввел ее в курс дела о двойном убийстве. При этом он поглядывал на нее как-то так лукаво. Галя догадалась: ее ждет необычное задание. Однако такого не предвидела даже она...

– В общем, дивчина Галина, – Вячеслав Иванович взял быка за рога, – как ты согласишься на то, что мы тебя внедрим?

– Куда? – еле слышно пискнула Галя.

Вячеслав Иванович продолжил гнуть свою линию:

– В молодежную субкультуру. По возрасту ты подходишь, вызывать людей на откровенность умеешь. Переоденем тебя соответствующим образом, если понадобится, снабдим баллончиками с краской – на служебные деньги, само собой, – и вперед!

– Баллончиками? С краской? – на сей раз внятно переспросила Галя, не веря своим ушам.

– Ну да. Речь идет об этих, как их, райтерах. Или графферах – одним словом, тех, кто рисует граффити. Ну на стенах рисует, на заборах... Детали мы вместе обмозгуем, сейчас важно твое принципиальное согласие. Ну как, решаешься?

– Решаюсь, Вячеслав Иванович! – отрапортовала Галя. Собственно, деваться ей было все равно некуда: генерал Грязнов имеет полное право приказывать. Но то, что он спрашивает ее согласия, – большая честь!

– Прямо так, с ходу? Вот молодец!

– А зачем долго думать, когда и так все ясно?

– Ну неясностей, Галочка, в деле хватает, но, надеюсь, с твоей помощью мы сумеем их ликвидировать. Спасибо за согласие. Честно говоря, другого я от такой ценной сотрудницы и не ожидал. Кстати, следственную группу возглавляет знакомый тебе сто лет Сан Борисыч Турецкий.

Вот почему Галя домой летела как на крыльях и наконец-то у нее дошли руки вымыть полы в ее неотремонтированной квартире. Впрочем, сейчас Галя была слишком счастлива, чтобы обращать внимание на запущенность жилья. Все расследования, в которых она действовала совместно с Александром Борисовичем и Вячеславом Ивановичем, протекали очень удачно, предоставляя возможность продемонстрировать сообразительность и повысить профессиональное мастерство. А рисовать граффити... Это предложение всколыхнуло в ней забытые, но отрадные чувства. В детстве, класса примерно до четвертого, она очень любила рисовать разноцветными мелками на асфальте. Едва сходил снег, вместе с друзьями они покрывали примитивной, но искренней ребячьей мазней целые километры асфальта. Старухи гоняли их, ворча, что мел добрым людям пачкает обувь, что от их горе-художества никому никакого проку, что дети совсем распустились, вот заставить бы их все это убирать, и Галя смущалась, потому что привыкла верить старшим, их доводы казались ей весомыми, и постепенно увлечение перестало доставлять удовольствие и сошло на нет. С десяти до двенадцати лет она чертила мелом на асфальте только сетку для игры в классики. А потом, уже будучи взрослой, увидела как-то в выпуске телевизионных новостей итальянского художника, который мелками на асфальте рисует целую картину, и стало вдруг досадно и жаль чего-то упущенного. Может, если бы старухи были снисходительнее или она сама – понастойчивее, ее картины тоже сегодня находились бы под прицелами телевизионных камер?

Но о том, что не состоялось, поздно мечтать. Если Галя Романова когда-нибудь и попадет в выпуск новостей, то исключительно как выдающийся сотрудник уголовного розыска. А ради такой славы стоит потрудиться.

Ну и не только ради одной славы. Выливая грязную воду из голубого пластмассового ведра в унитаз и сохраняя неподобающую для такого занятия улыбку до ушей, Галя поняла, что, вопреки всем депрессиям настоящим и вымышленным, она любит свою работу. Любит – и все.

Глава 9

Близнецы Скворцовы принимают соболезнования

Наступило первое после похорон Николая Скворцова утро, когда его дети вернулись к повседневным занятиям. Таня и Родик пошли в школу, Кирилл и Ростислав – в институт. Утро стояло ненастное, неуютное, и солнечный свет (рассветает сейчас рано) скрывался за тучами, из которых – снова-здорово! – полетел мелкий колкий снег. Весна, называется! Хмурым и ненастным был также устремленный на младших Скворцовых материнский взгляд. «Надень шарфик», – требовала Нинель Петровна от Тани, и кончилось тем, что мать собственноручно обмотала вокруг шеи дочери этот самый шарф, огромный, плотный и ворсистый, как половина пледа. Против обыкновения, Таня стерпела шарф, не стала, как бывало раньше, капризничать: «Отстань, мам, не хочу, такого сейчас не носят, он кусучий!» Дети были сегодня необычно молчаливыми. Все отдавали себе отчет в том, что мама страдает из-за смерти отца, а если заботится о них так настойчиво, то лишь потому, что теперь боится потерять кого-то из них. И они боятся потерять маму. Все вокруг напоминало о смерти, все стало так зыбко и непрочно в эти дни...

До станции «Юго-Западная» от их благоустроенной, почти в центре Москвы, квартиры ехать было далековато, зато без пересадок, по прямой. Близнецы одолевали этот накатанный путь без особых эмоций. Разговаривать их как-то не тянуло: обо всем, что было действительно важно, они уже поговорили при подготовке к похоронам. Без взрослых, без лишних свидетелей – но где же найдутся свидетели, способные разобрать их близнецовский код? Со стороны посмотреть, они дремали на одном боковом сиденье, бок о бок – два совершенно одинаковых парня. Одинаково вздернутые носы, одинаковые темные длинные ресницы, одинаково выбиваются из-под модных вязаных шапочек темно-русые кудри, какими мог похвастаться в молодости их покойный отец. Шапочки, кстати, тоже были одинаковыми. Как и обувь, и брюки, и куртки. Доверяя психологам, уверяющим, что близнецам лучше поскорее дать понять, что они – самостоятельные личности, отдельные друг от друга, супруги Скворцовы назвали своих старших сыновей именами с разным звучанием и на протяжении детских лет одевали их по-разному, стараясь не подчеркивать схожесть. К счастью для Скворцовых, близнецы пошли в школу, когда обязательная форма была отменена: вот потрудились бы мать, перешивая ее так, чтобы форменные синие брючки и пиджачок Кирюши отличались от точно таких же у Ростика! Родительские усилия пропали даром: как только у близнецов завелись свои деньги, они тотчас осуществили давнюю мечту и стали одеваться одинаково – словом, как близнецы. Конечно, на такую одежду родители никогда бы денег не дали: принципы есть принципы! А в последнее время отец строго лимитировал расходы старших сыновей... Но Кирилл и Ростислав у него разрешения не спрашивали. У них есть свои деньги, ими заработанные, которые они вправе тратить, как хотят. А своего сходства они не стыдились. Скорее, гордились им. Да, они всегда чувствовали себя одной личностью, разделенной надвое, двумя полушариями одного мозга, двумя половинками одного ореха. И плевать на психологов.

Несмотря на то что утренний вагон метро был, как всегда, набит под завязку, а степень нервности народа, едущего на работу, превышала сто процентов, близнецам спокойно позволяли дремать. Их даже не особенно теснили, старались не наступать им на длинные ноги. Двое одинаковых парней будили в зачерстевших душой, ко всему привычных людях удивление, смешанное с нежностью. Изредка – не чаще раза в месяц – какой-нибудь ветеран или какая-нибудь пенсионерка прерывали их безмятежную дрему.

– Молодые, здоровые, а прикинулись, будто спят! А ну уступите место сейчас же!

Однако ветераны и пенсионеры, как правило, не ездят в метро по утрам.

По выходе из метро было ветрено, но снег прекратился. По серому обледенелому пространству среди ноздреватых почернелых сугробов метались люди, подкарауливая маршрутки и автобусы. Братья Скворцовы без особых усилий вскочили в маршрутное такси, идущее до улицы Миклухо-Маклая, опередив возмущенно завопивших конкурентов. Час пик – не место для вежливости.

– People jam, – шепнул Кирилл брату, и Ростик понимающе кивнул. Если «traffik jam» – «варенье из транспорта» – по-английски означает пробку на дороге, то наблюдаемую ситуацию можно было, по аналогии, характеризовать как «варенье из людей». Близнецы лишних слов не тратили. Зачем разглагольствовать, когда и так понятно?

Ростиславу пришла в голову другая мысль: почему бы не купить машину? Еще полгода работы, так, чтоб особенно не напрягаться, и они смогут себе это позволить. Приятель, который летом побывал во Владивостоке, рассказывал, что там существует огромный рынок дешевых иномарок. Не сгонять ли во Владик? Туда – самолетом, обратно – на новеньком, скажем, «ниссане». Ради впечатлений останавливаться в каждом населенном пункте, рисовать на подвернувшихся кстади заборах свой тэг... Эта мысль так понравилась Ростик, что он решил поделиться ею с братом. Попозже. Не в маршрутке же! В утренней маршрутке за осуществимую мечту о персональном транспорте могут и морду набить. Даже две морды. Не посмотрят, что близнецы.

А все-таки отрадно ехать в маршрутном такси, чувствуя со всех сторон напор тел, облаченных в потертые пальто и вылинявшие куртки, и сознавая, что в любой момент можешь сменить образ жизни, предполагающий ежедневные поездки в переполненных маршрутках, на другой, бесконечно более привлекательный! Ради одного этого маршрутку можно потерпеть. Еще потерпеть...

Учебные корпуса на улице Миклухо-Маклая в Москве называют по-разному: «лумумбарий», «обезьянник»... Есть и такие, с позволения сказать, имена, которые напечатать уж никак не получится. Братья Кирилл и Ростислав Скворцовы не признавали этих плоских шуточек и звали место, где они получали высшее образование, попросту «университет». А когда закончат, будут называть «альма матер» или как-нибудь еще – тоже без плоских шуточек и подначек, а с полным уважением. Университет имени Патриса Лумумбы близнецам нравился, и учились они на «отлично» и «хорошо», чему не мешало даже увлечение граффити и подвернувшаяся в последнее время работа. И студенты, и преподаватели относились к ним неплохо.

Сегодня они приехали рано – аудитория была еще пуста. Только староста группы, как всегда, пришла еще раньше их и зубрила учебник в свете одинокой люминесцентной лампы. Обычно те, кто сидит над учебниками с утра до ночи, не пользуются всеобщей любовью, но Сания Алиева была такой миловидной и компанейской девчонкой, что ей охотно прощали и рвение в должности старосты, и вечно раскрытый учебник у нее на коленях. Ростик первым заметил, что Сания похожа на принцессу Юки из старого, черно-белого японского фильма. Ее густые, до пояса, волосы, скромно стянутые резинкой в «конский хвост», приметно выступавшая под свитером аккуратная грудь и темно-алые, с коричневым оттенком, губы вызывали горячее томление и внушали беспокойство: как же с этим быть? Близнецы до сих пор оставались девственниками: не из-за строгого воспитания в семье (в вопросах пола родители Скворцовы как раз были весьма либеральны), а потому, что мешала их одинаковость. Так выходило, что если они влюблялись, то – одновременно и в одну и ту же девушку. Дальше вставала дилемма: либо вдвоем обладать одной и той же подружкой (на что она вряд ли согласилась бы), либо один из них выходит победителем, в то время как другой остается не у дел (а это грозило разрывом братских уз). Оставалось ждать и терзаться. Кирилл уже пришел к выводу, что им, чтобы не засидеться в девственниках до старости, начало мужскому опыту следует положить с какой-нибудь совершенно индифферентной особой, но все не решался поделиться своим выводом с Ростиславом. Были и у близнецов кое-какие крохотные секреты друг от друга.

При виде вошедших в аудиторию Скворцовых Саня подскочила, как перед строгим преподавателем. Новенький учебник, прошелестев страницами, туго закрылся с легким стуком.

– Ой, Кирюша... Ростик... – певуче запричитала Саня. – Мы все знаем, мы так сочувствуем вам и вашей маме! Это такое горе, такое горе!

Принцесса Юки в фильме часто гневалась, но при этом обладала добрым, чувствительным сердцем. Как и подобает истинной принцессе.

Кирилл и Ростислав приняли соболезнования, принесенные старостой от лица всей группы (у нее вошло в привычку делать все, что угодно, от лица группы), и одновременно, на уровне телепатии, подумали, что за все время от выхода из дома до вот этих самых соболезнований даже не вспомнили об отце. Несмотря на то что отношения между отцом и старшими сыновьями в последнее время натянулись как струна, осиротевшие братья испытали угрызения совести. Сейчас, когда папы не стало, все прежние ссоры и раздоры смотрелись досадными мелочами. Вопреки этим шероховатостям Кирилл и Ростислав сознавали, что у них был замечательный отец. Они должны по нему горевать...

Но им отчего-то не горевалось. Область души, ведающая скорбью, находилась точно в глубоком сне. Что же это – неужели они такие бесчувственные? Или горе настолько велико, что для его осознания должно пройти время? Так огромное темное здание не позволяет обозреть себя изблизи: чтобы оценить его размеры и архитектуру, следует отступить на несколько шагов...

В аудиторию шумно ввалились одnogруппники, все разом – должно быть, вместе вышли из общежития. С близнецами здоровались каждый по-своему: кто, по привычке, бодро, кто – приглушенно, пытаясь соответствовать тяготеющему сегодня над группой траурному флеру. Скворцовым уже стало не по себе: что же это, с ними и дальше будут обращаться, точно с больными? Чтобы избежать неприятных расспросов и новых порций соболезнований, они заняли привычные места во втором ряду и открыли учебник – один на двоих, разумеется, – пытаясь заслониться этим ненадежным предметом.

– Добрый день, братья.

Не требовалось отрывать глаза от страницы, чтобы определить, что с ними говорит Абу Салех. Мягкий глубокий баритон и полное отсутствие акцента – если не видеть, то и не догадаться, что обладатель этого правильного выговора кофейно-смугл и с миндалевидными черными глазами. При первом знакомстве Ростислав спросил: «По-арабски ведь „Абу Салех“ значит „отец Салеха“? А разве ты уже стал кому-то отцом?» – «У меня в Палестине шестеро детей», – наклонил странную и красивую, как у древнего египтянина, голову Абу Салех. Близнецы поразились: когда успел? Оказалось, ему двадцать семь лет... А на вид больше двадцати не дашь.

Внешность бывает обманчива. С первого взгляда Абу Салех производил впечатление обитателя пустыни, которого только что сняли с верблюда и каким-то чудом затащили в высшее учебное заведение чужой холодной страны. Только потом, разговорившись поближе, братья Скворцовы обнаружили, что он свободно владеет четырьмя европейскими языками. Эрудиция его простиралась от современных достижений искусства до новейших открытий в физике. Но и это, собственно говоря, не было главным. Любого человека, которого почтил дружбой Абу Салех, сильнее всего поражала независимость его мышления, необычность трактовки событий, которые кажутся всем самоочевидными... Однако, чтобы насладиться независимостью его мышления, требовалось стать его другом. А в дружбе Абу Салех был разборчив.

Чтобы потолковать с Абу Салехом, братья вместе с ним вышли в коридор и остановились возле доски с расписанием пересдач экзаменов зимней сессии. Мимо них проносились, не задерживаясь, студенты из других групп: спешили разбрестись по своим аудиториям. Им было глубоко наплевать и на пересдачу зимней сессии, и на иногруппников, которые тихо беседуют, уставясь на доску, – должно быть, об этой самой пересдаче.

- Придете на ближайший экшен?
  - Трудно сказать... Ты знаешь, у нас умер папа.
  - Да, я слышал. Мир его праху. – Романтическое изъятие чувств со стороны Абу Салеха лишалось намека на театральность. – От чего – от сердца?
  - Нет. Его застрелили.
  - Неужели? А кто?
  - Неизвестно пока. Милиция ищет.
  - Странно. Кому понадобилось убивать художника? Ну, желаю, чтобы милиция нашла убийцу... А вы все-таки приходите. Не нужно давать трауру слишком большую власть над собой. Мужчины должны скорбеть по отцу ровно столько, сколько положено.
- Мимо них по коридору легкой походкой проскользила преподавательница Кира Владимировна, направляясь в свой кабинет за журналом группы, и близнецы уж было собрались в аудиторию, чтобы к ее приходу быть на месте, но Абу Салех придержал Кирилла за локоть. Ростиславу тоже ничего не оставалось, кроме как задержаться.
- Постойте! Похороны – крупные расходы, я понимаю. Кроме того, в семье двое школьников, которые не зарабатывают... Если вам потребуются деньги, я готов дать, сколько нужно.
  - Спасибо, Абу Салех, – ответил Кирилл. – Деньги пока есть. В этом году папа хорошо зарабатывал.
  - Не в долг! Я не такая собака, чтобы пользоваться человеческим горем. Насовсем даю.
  - Правда? Спасибо. Но все равно пока не надо...
  - Ну как знаете. Если понадобится, обращайтесь в любое время.
- «Все-таки здорово, что есть такие друзья, как Абу Салех», – подумали одновременно близнецы Скворцовы. Они успели занять свои места во втором ряду, откуда так хорошо был виден вороненый «конский хвост» и узкая изящная спина принцессы Сании, ровно за две секунды до того, как Кира Владимировна вошла, поддерживая важную осанку, положила на стол журнал, и группа взметнулась со стульев, приветствуя ее...
- А далее прилежные студенты не позволяли отвлекать себя посторонним мыслям.

Глава 10

Илья Михайлович разоблачает исламских террористов

В кабинет Турецкого вызванный им Илья Михайлович Вайнштейн вошел с поклоном – это у него, очевидно, была такая форма приветствия. Вместе с ним в комнату проник смешанный запах краски, древесины, свежей земли и еще чего-то весеннего и, пожалуй, строительного. Выглядел он своеобразно, чем-то напоминал современного мастерового: резиновые сапоги до колен, сплошь в разводах подсыхающей грязи, серые потертые вельветовые штаны, черная теплая рубаша и черная стеганая куртка, неуловимо смахивающая на телогрейку. Самым примечательным во внешнем образе Ильи Михайловича были его длинные, до плеч, черно-серые волосы, перетянутые на лбу шнурком (то ли на хипповский, то ли на старорусский манер), и широкая, распадающаяся на множество направленных в разные стороны прядей борода. Турецкий не знал, как выглядел Илья Вайнштейн в пору оформления декораций для знаменитого фестиваля, но сейчас телогрейка и борода очень слабо соотносились с репутацией одного из основателей российского движения граффити.

– А я к вам, Александр Борисович, – не дожидаясь вопросов, густо заговорил Илья, – сей минут из лесу. Домик разукрашивал для одного хозяина. Благодать там сейчас, кругом подснежники цветут. Я ведь лес ох до чего уважаю! Проживаю я на самой окраине, из окна у меня свой лесок виден. Я туда по грибы все лето хожу. Бывало, приглашу Николку покойного, вот мы вместе тихо-мирно по грибы-то и ходим. Николка тоже грибник знатный был. Любил он это занятие.

Илья внезапно улыбнулся – неожиданно располагающей улыбкой, просиявшей среди бороды, и Турецкого, который пытался представить основания дружбы между столь непохожими людьми, как Скворцов и Вайнштейн, осенило. Да, и в самом деле, хорошо ведь погулять по летнему лесу, заходящему в черту города, а потом принять водочки под соленые рыжики в компании такого гостеприимного хозяина, как Илья! Такой все, что есть в холодильнике, на стол поставит, не пожмотничает, и выслушает за выпивкой все, что на душе накопилось. А то, что сам в это время будет бред нести, как тогда, на поминках, – так ведь нет достоинств без недостатков.

– Илья Михайлович, – максимально тактично, с попыткой избежать словесной шелухи, начал допрос Турецкий, – чем вы сейчас зарабатываете себе на жизнь?

– А вот этим и зарабатываю. – Илья повернул кверху ладони с полусмытыми следами масляной краски и россыпью мелких, чернеющих сквозь задубелую кожу заноз. – Кому домик, кому квартиру до ума доведу... Красоту несущим людям. Раньше люди думали, если в доме все, как у других, стало быть, порядок. А сейчас понимают, что дом – это когда не как у других, а как хозяину по нраву. Хозяину по нраву – и дом улыбается...

– Вы дизайнер?

– Не люблю я этих нерусских слов, – посуровел Илья. – Ну назовите хоть горшком, только в печь не сажайте.

– Вы работали с Николаем Скворцовым?

– Работал, а как же. Когда Николка звал, то и работал... Только вы, Александр Борисович, больно долго чего-то подбираетесь. Не о том ведь спросить хотите, а? А о том вы спросить хотите, кто Николку убил. Я сказать могу, только никто мне не верит. Беспечны русские люди, не хотят верить, что кругом – безжалостный враг...

Предчувствуя, что бред надвигается, Турецкий попытался перебить его новым вопросом – самым безобидным:

– Со Скворцовым и Белоусовым вы познакомились в юности?

– Да, втроем мы были тогда. Я, Николка и Ролка Белоусов... Вот он-то, если хотите знать, Николку и убил.

– Убил? У вас есть доказательства?

– Какие еще нужны доказательства, если он Николку ко всякой бесовщине склонял? – Слово «бесовщина» Илья Михайлович произнес смачно, маслено, упирая на «о». – Он его уговорил детей отправить с иностранцами учиться, туда, где одни антиглобалисты и наркота голимая. Ну и чего хорошего они там наберутся? В русском человеке с молодых ногтей надо развивать русское национальное самосознание. Вы, Александр Борисович, и сами должны понимать.

«Очаровательная картинка, – скептически подумал Александр Борисович. – Человек по фамилии Турецкий и человек по фамилии Вайнштейн беседуют о русском национальном самосознании».

– Понимаю, Илья Михайлович. И все же уточните, к какой бесовщине склонял Белоусов убитого, – Турецкий подчеркнул слово «убитого», – Николая Скворцова.

Вместо ответа Илья Михайлович засунул руку в карман штанов, пошуровал там и вытащил изрядно помятый, жалостно шуршащий, точно при последнем издыхании, лист газеты. Не требовалось быть экспертом-цензором, чтобы определить: газета очень малотиражная и очень радикальная. Об этом говорил и ярко-красный цвет линючих заголовков, и слепой шрифт смещенных то вверх, то вниз строк, и непрофессионально нарисованные карикатуры, которые в сочетании с убогой версткой создавали впечатление полной самодеятельности.

– Вот, полюбуйтесь, – Вайнштейн ткнул пальцем с обломанным грязным ногтем в середину страницы, – что пишут в ногу...

Турецкий подумал, что ослышался. «Сон в руку» – вроде есть такой устойчивый оборот; но «письмо в ногу» – это, воля ваша, что-то свеженькое.

– В какую еще ногу? И кто пишет? Белоусов?

– Газета так называется – «В ногу!» – снизошел к следовательской непонятливости Илья. – Орган молодежного рабочего движения России. Вот, смотрите лучше: «Победоносная Россия: полумесяц вместо креста». Пишут, как плохо, что наши предки пошли на поводу у Византии, вместо того, значит, чтобы ислам принять. Их не спросили, когда принимали! Да если б Россия-матушка не была православной, никакой России бы и не было. И их бы тоже не было, засранцев...

– Погодите, Илья Михайлович! Я что-то не успеваю следовать за вашими рассуждениями. Вы считаете, что эту статью написал Белоусов? Почему? И в чем здесь связь с убийством?

– Написал или нет, откуда мне знать? Я только видел, что после Ролкиного ухода у Николки в квартире эта газета появилась. Он ее скомкал: вроде чтобы показать, что это дрянь. Я развернул, почитал: точно, дрянь голимая. Мы же с Николкой не какие-нибудь нехристи, нас на магометанские понты не возьмешь! Сунул я эту газетенку в рабочую торбу, где я краски ношу, и забыл о ней. А она, видишь, сгодилась.

– А почему вы думаете, Илья Михайлович, – терпеливо вздохнул Турецкий, – что газету принес Белоусов? И даже если принес, что он согласен с ее содержанием? Может, ему ее просто на улице дали в качестве агитации. Лично мне постоянно суют всякую печатную ерунду: чаще листовки, но попадают и газеты...

Илья Михайлович скроил удивленную физиономию. От попытки изобразить загадочность нос его разбух и свесился до губы. Сейчас он казался похожим на еврея. Со своей черной пушистой бородицей – не меньше, чем на хасида.

– Да уж я-то Ролку знаю! Такому не подсунешь!

– Даже если так, – Турецкий продолжал быть терпелив, – в чем, по-вашему, состояла цель, которую преследовал Белоусов, давая Скворцову газету «В ногу!»?

– Агитация, – твердо ответил Илья. – Хотели большого русского художника втянуть в исламский заговор против России. Не получилось, потому и убили. Больно много Николка про них, стало быть, прознал.

– Зачем же он им понадобился?

Но Вайнштейн уже не слушал вопросов: его несло по волнам политического вдохновения. Мысль Ильи Михайловича, окрепшая в лесной тиши на окраине столицы, успела обрисовать в главных чертах и заговор, и роль художника-райтера в нем. По его версии (которая, по мере развития, превращалась из гипотезы в непререкаемую истину), исламские террористы непременно попытаются устроить в Москве то же самое, что устроили в Нью-Йорке 11 сентября. Правда, за неимением башен-близнецов мишенью должна была стать высотка МГУ. Этот единственный пункт в слаженной, хотя и безумной, системе провисал: по крайней мере, Вайнштейн никак не обосновывал, почему именно цитадель знаний вселяла такую ненависть в горячие сердца исламских террористов. Зато участие Николая Скворцова в заговоре он обосновал, и с лихвой. Матерому райтеру было предназначено изобразить на башне высотки бомбу – в качестве мишени для атакующего самолета. Так как теракт был намечен на ночное время (в подтверждение этой догадки Илья принялся царапать карандашом на бумаге, бесцеремонно заимствованной из свежей стопки на столе Турецкого, какие-то хитроумные выкладки), краски должны быть фосфорическими, так что изображение будет видно только ночью, а днем не будет – чтобы мирные граждане ничего не заподозрили...

На долгом пути от оперативника до старшего помощника генпрокурора Александру Борисовичу Турецкому приходилось соприкасаться с разным человеческим материалом. Частенько приходилось решать вопрос: действительно ли вот этот, перед тобой стоящий, человек – тронутый или только прикидывается? И частенько решить его не получалось. Даже специалисты института Сербского иногда ошибаются, где уж ему справиться в одиночку! Что-то подсказывало Турецкому, что Илья Михайлович рассказывает об этих заговорах с предельной искренностью. Ну невозможно так вдохновенно играть, если ты не профессиональный артист!

Но если человек искренен в одном, это еще не значит, что ему надо доверять и во всем остальном.

Глава 11

Виталий Ильич задерживается на работе

Никто из коллег Виталия Ильича Сумарокова и не подозревал, что самый тяжелый час в сутках для него – тот, что для других представляется самым радостным: когда можно, с легким сердцем послав работу к чертям до следующего утра (или до следующего понедельника), ехать домой. Дома всех ждут запланированные радости: жена, пиво, собака или кошка, тапки, возможность рухнуть на диван и закрыться газетой от всех мировых забот... Все вышelperечисленное превосходно укладывается в рубрику под названием «покой». Но Сумароков находился в совершенно иной ситуации. Покой ему только снился. А если все, что уже образовалось и сгустилось, будет нарастать и дальше, покой будет сниться ему уже на работе, куда он, кажется, окончательно переселится.

Вот и сейчас он корпел над бумагами, исписанными его каллиграфическим почерком. Какие-то данные переносил в компьютер, другие, тщательно рассмотрев, перекладывал в отдельную папочку, где они хранились до лучших времен, точно у писателя – черновики, не вошедшие в основной текст романа. Тот, кто увидел бы его за этим занятием, не заподозрил бы, что этот немолодой человек с бесстрастным, ничего не выражающим лицом занимается такой страшной, ранящей душу темой, как террористические акты в Московском метрополитене. Тот, кто увидел Виталия Ильича, также не заподозрил бы, что внутри этого человека бушует вызванная личными причинами буря...

В последнюю неделю, после скандала, случившегося из-за болезни внучки Леночки, он неотступно думал: когда все это началось? Неужели со дня рождения Леночки, которой они все радовались, как не радовались ни одному ребенку в мире? Или со дня свадьбы его сына? Или и того раньше? Сколь многие проблемы возникают задолго до своего очевидного проявления! В этой фразе, пожалуй, чувствовался отголосок стиля знаменитого предка Виталия Ильича, но он не придавал этому значения. Он хотел разобраться с загадкой... Даже с двумя – включая терроризм в метро.

Что касается терроризма в метро – Виталий Ильич уперто, неизобретательно продолжал верить, что убийца ставил своей целью убрать с дороги не какого-то там художника, а Бирюкова, павшего жертвой террористов, с которыми он вел упорную борьбу. Терракт, прогремевший в час пик на одной из многолюдных центральных станций, родил волну негодования, направленного в том числе и против работников метрополитена, не сумевших предотвратить трагедию. Борис Валентинович организовал строгий контроль, отслеживающий подозрительных лиц. Но пример двух взрывов, которые прогремели вопреки этим мерам, доказал, что террористов не так-то просто одолеть... Уж не наткнулся ли Бирюков на секрет заказчиков и исполнителей? Если их вычислил Бирюков, эту задачу решит и Сумароков, имея в распоряжении те же данные. Прежде всех умственных построений следовало уяснить два простых пункта: место и время. И, как всегда, помогая себе пером, он застрочил...

Первым в хронологическом порядке – и в порядке значимости – должен был стоять теракт 18 июня прошлого года. Красивейшая станция, жаль! Радовавшая глаз мозаика, изображающая пляски девушек в костюмах братских республик, ныне прикрыта снизу серыми щитами: идут реставрационные работы. К этим щитам кладут гвоздички родственники погибших – как будто там, за серой фанерой, до сих пор скрыты трупы... Трупы вывезли – вывезли сразу же. Состав взлетел на воздух (если так можно выразиться, когда речь идет о метро), когда поезд уже подполз к платформе и целиком расположился вдоль нее. Был самый разгар часа пик – пятнадцать минут седьмого. Взрывной волной повредило мозаики, смело ожидавших прибытия поезда пассажиров. Им, впрочем, повезло немного больше, чем находившимся внутри...

Четвертый и шестой вагоны, куда, как выяснили эксперты, и была подложена взрывчатка, превратились в смесь металла с органическими остатками, которых трудно было представить в облике людей. В остальных вагонах – множество раненых. Крики, стоны, скопление врачей «скорой помощи» и милиционеров. Во внешней стороне происшествия, пусть даже и потрясающей чувства, больше нет ничего ценного. А горе страшное. Невыносимо представить, что должны чувствовать люди, лишившиеся близких. С утра родной человек ушел, как обычно, на работу, и ничто не предвещало расставания, и вот вам, пожалуйста...

«А мои молодые, наверное, втихомолку порадовались бы, если бы я вот так погиб», – явилась несправедливая мысль. Виталий Ильич знал, что это далеко от истины, что даже чужая по крови невестка Вера лила бы по нему слезы на похоронах, но растревлял эту мысль с мрачным сочувствием к покойному себе – да так, что самому возрыдать впору.

Сумароков приподнял голову от бумаг. Чувства снова утащили его далеко-далеко...

Может быть, причина семейных трений в сумароковской семье скрывалась в первых годах жизни его единственного сына, Анатолия Витальевича, которого до сих пор, точно ребенка, они с матерью называют Толик? Толик рос таким слабеньким, таким болезненным! Молодая мама, Рая тогда отдавала сыну дни и ночи, постоянно брала отгулы, до хрипоты ссорилась с начальством из-за больничных. Все деньги уходили на лекарства, Рая работала очень мало, поэтому основная ноша семейного бюджета ложилась на плечи Виталия. Приходил усталый, как лошадь, на которой пахали с утра до вечера, и дома не мог расслабиться, потому что его встречали разговорами о детских кашках, о лекарствах, об анализах, о каждом Толиковом чихе... Злась и не смея перебивать излияния святых материнских чувств, молодой Сумароков начинал уж задумываться: а чем таким уж серьезным болен его сын? И если даже он постоянно то кашляет, то чихает, если он малоподвижен и страдает то поносами, то запорами – какова в этом роль его сверхзаботливой мамочки, которая кутает и перекармливает свое чадо? Он неоднократно пытался серьезно поговорить на эту тему с Раисой, но получал в ответ лишь обвинения в том, что он ничего не понимает в медицине (жена, между прочим, по образованию экономист, хоть и мнит себя выше любого медика), что он не желает понимать ее материнское беспокойство о жизни и здоровье Толика, что он – самое худшее – ненавидит своего ребенка... Ну насчет ненависти – это, допустим, ерунда, но какая-то неприязнь к этому малолетнему объекту нежных забот, от которого его, отца, усиленно устранили, у Сумарокова тогда брезжила. Правда, он надеялся, что она полностью рассосалась, когда Толик вырос, и отец и сын вместе собирали модельки машин, ходили на лыжах, ездили на выставки и даже – был грех – на ипподром... А теперь вот откуда-то вынырнула неприязнь – подавленная, старая. Неприязнь старости – к юности?

ТЬфу на нее! Сумароков погрузился в документы.

Следующая станция – тоже одна из старейших, хотя и не такая красивая, выполненная в конструктивистском стиле. Дата – 14 сентября. Количество жертв не так велико, как в предыдущем случае... хотя, конечно, смотря с чем сравнивать. Поди объясни голому человеку с ободранной кожей, который кричит от боли и страха, потому что взрывной волной с него сорвало одежду, что ему повезло! Взрывная волна докатилась до платформы из тоннеля, где, не дотянув пары метров до станции, полыхнул поезд. По крайней мере, кое-кто из переминавшихся в ожидании на платформе остался жив. Время – четыре часа дня, начало пятого. Не так уж многолюдно, но... жертвы есть жертвы. Разве поддается количественному измерению человеческая жизнь? Шума было много – особенно в средствах массовой информации. Сумароков помнит, Раиса тогда причитала: «Ой, как в метро теперь ездить, как ездить? Страх один!» А Толик с Верой еще ее успокаивали, но своеобразно: «В метро опасно, а в других местах безопасно, что ли? Между прочим, дома тоже взрывают! Засыпаешь в своей постели, а проснешься под руинами... если проснешься». Ну и что их высказывания означают: здравомыслие или современный прагматический цинизм?

В последних классах школы и особенно в студенческие годы Толик наконец вырвался из-под материнского диктата, что положительно сказалось на его здоровье, внешнем облике и отношениях с людьми. В особенности – противоположного пола... Сумароков, вопреки старинной фамилии, не был настолько привержен семейным устоям, чтобы не понимать: когда молодые люди начала XXI века произносят слово «подруга» или «друг» – это значит не совсем то же, что во времена его молодости. То, что сын начнет свой мужской путь в более раннем возрасте, чем он сам, не шокировало Сумарокова. Скорее, его шокировало, когда Толик отрекомендовал Веру «своей невестой». Не потому, что ему не понравилась худенькая девушка с темно-русыми волосами до плеч и скромной улыбкой, обнажавшей два криво выросших верхних зубика (надо было приглядеться, чтобы распознать ее красоту, но таких-то скромниц и любят всю жизнь). Совсем нет! Вера ему понравилась, но как они будут вить семейное гнездо? Где? На какие шиши? Оба студента, оба привыкли обитать под теплыми крылышками папеньки и маменьки. А семья – это прежде всего ответственность: ответственность за самих себя, за будущих детей... К сумароковским речам, выражавшим справедливое негодование, примешивался и неприятный личностный оттенок вследствие шкурной тоски: ну вот, растили его с Раей, растили, во всем себе отказывали, ночей недосыпали, а теперь, когда самое время пожить для себя, изволь еще взваливать на плечи эту студенческую семью! Но если рассудить как следует, разве не прав он был? Прав на все сто!

Но в итоге-то получилось, что прав оказался не он, а его глуповатая, вечно по разным поводам причитающая, хлопотливая Раиса, которая завопила: «Ой, как хорошо-то! Свадьбу устроим в ресторане „Кабачок“, у меня там подруга бухгалтером работает. А жить будете у нас, не пропадать же зря такой большой квартире...» Неизвестно, что вышло бы из их Толика, если бы вместо надежной, верной и разумной Верочки, которой он отдался полностью, сын размотал бы себя по бесчисленным подружкам, как это делают некоторые мужчины. Сумароков таких знал – обычно так и не женятся, дети растут на стороне... А у них – счастье-Леночка. Живи да радуйся!

В сущности, он и должен радоваться! Ну и что, что в доме тесно и шумно, на кухню не пройдешь без того, чтобы не наступить на Леночкину игрушку, по лицу хлещут развешанные на веревке, протянутой через весь коридор, Верины колготки и лифчики, ужина не дождешься, потому что на плите поспевает детская каша без соли и сахара... Много ли им с Раисой надо? Главное, что внучка растет замечательная! Не надо быть угрюмым монстром, надо смириться с вечным Раисиным тезисом: «Здоровье ребенка – самое главное». И все вокруг расцветет сплошной радостью...

Успокоенный сделанным выводом, Сумароков веселее взялся за третье дело. Взрывчатка, найденная в одном из вагонов поезда на станции, где сходятся три линии метро, 12 декабря... Не сработала. Возможно, не успела? Нет, похоже, у террориста в последний момент сыграло очко. В первых двух случаях терактов осколки бомбы обнаруживали признаки часового механизма. В третьем случае был найден «пояс шахида», который рвет в клочья живого человека, исполненного фанатической решимости умереть, пожертвовав собой. Следствие уверено, что шахидский пояс должно было привести в действие некое лицо, но оно отказалось исполнить возложенную на него миссию. Взрывчатку обнаружили пассажиры под скамейкой, завернутую в целлофановый пакет из магазина «ГУМ».

Постойте! В изнуренных семейной драмой сумароковских мозгах мелькнули первые проблески, объединяющие разрозненные случаи терроризма в систему. Все перечисленные станции – старые... построенные, дай бог памяти, в тридцатые еще годы... Играет ли это какую-нибудь роль? Или, возможно, играет роль многолюдность, возможность колоссальных человеческих жертв, на что указывает и время – час пик? Но вот, скажем, станция, где был совершен теракт номер два, – не самая многолюдная: пересадки здесь нет. Почему не выбрали вместо нее

«Комсомольскую», «Савеловскую», «Белорусскую», какую-нибудь другую из крупных пересадочных станций? Оформление не понравилось?

Крайне интересным представлялся вопрос: откуда попадает взрывчатка в вагоны? Возможно, – конечно, это всего лишь предположение – перечисленные станции объединены одним и тем же депо? Не так глупо, стоит проверить...

Особая песня – вопрос о датах террористических актов, как состоявшихся, так и неудачных. С датами Сумароков разобраться не успел, потому что взглянул на часы и оторопел: без десяти восемь! Раиса, наверное, волнуется... Отчего-то ему вспомнилось, как переживала в молодости Рая, если ее возлюбленный (у него же такая опасная профессия!) опаздывал на свидание, как при виде него у нее на ресницы ослепительно черных глаз наворачивались слезинки, одновременно и жалобные, и счастливые. Она легко впадала в панику и столь же легко – в бурный восторг; ее проще простого было осчастливить поцелуем, комплиментом, незначительным подарком... Имя «Раиса» означает «легкая», не правда ли? Умиленный воспоминаниями, Сумароков встал, потер поясницу и без дальнейших сожалений по поводу беспорядка, который ему придется застать дома, начал укладывать бумаги в свой необъятный портфель.

Глава 12

Иван Козлов опускается на дно общества

Они многолики. Они повсюду. Взгляд обычного, довольно благополучного налогоплательщика особенно часто натывается на них в публичных местах, где они стоят, воплощая своим неприглядным костюмом и скорбными глазами немой упрек. Кепка, жестяная мисочка, пластмассовый стакан, а то и просто мешок – основная принадлежность этой нелегкой профессии, не внесенной ни в один перечень трудовых специальностей. Потому что, несмотря на профессиональные увертки и приемы, используемые напрапую, язык не поворачивается назвать профессией то, что является, скорее, состоянием... По-русски невозможно произнести корявое словосочетание «работать нищим»; «быть нищим» – вот это верней.

Благополучный налогоплательщик, рассеянно бросающий монетку женщине с завернутым в кулек младенцем или калек на костылях, ничего не знает об этих людях. Его представления о нищенстве колеблются между старой байкой о побирушке, в загаженном матрасе которой после ее смерти нашли бриллианты и золото, и смутном соображении, что все под Богом ходим, и, даже если история очередного нищего неправдоподобна, все же несчастье его неподдельно. А в остальном у заурядного налогоплательщика нет времени на знакомство с состоянием дел нищих людей.

Иван Козлов платил налоги как положено. А вот с нищими ему предстояло познакомиться поближе, чем обычному гражданину. Он должен был окунуться в мир персонажей пьесы Горького «На дне» – с той разницей, что ему предстояло участие не в трагедии и не в мелодраме, а в детективе.

– Борис Валентинович считал, что нищенство – язва метрополитена, – охотно вводили Ивана в курс офицеры УВД. – Все эти якобы молодые мамы с младенцами, которые у них почему-то никогда не плачут, все эти инвалиды чеченской, афганской и тэдэ войны, которые неизвестно откуда берутся и ни в каких списках не значатся... Самое простое было бы их арестовывать, но Борис Валентинович считал, что это ни к чему не приведет. Как тараканы: прихлопнешь тапкой одного, ну в крайнем случае двух, тогда как за это время матка наплодит десяток. Тем более, знакомясь с нищими поближе, он изменил свое мнение...

– В какую сторону?

– В лучшую. Как ни странно. Сначала злился: как не стыдно здоровому мужику копейки на протез выклянчивать! Допустим, ног нет, ну так руки-то целы и голова на плечах есть – взял бы и заработал... Ну это он так думал, пока не узнал, что эти инвалиды, которые в нищенском бизнесе задействованы, – люди все подневольные. И зарабатывают они не себе на протезы, а в первую очередь своим хозяевам. А во вторую очередь – себе на жратву.

– Ну и что же Бирюков?

– Матку искал. Тараканью матку.

– Нашел?

– Вроде нашел. Вычислил. Ты его папочку заветную полистай, так и называется – «Нищие». А после того как вычислил, завел информатора. Мужик один, молодой, безногий...

– Что, полностью безногий?

– Нет, одна нога у него как будто бы есть, но вечно он сидит в инвалидной коляске, так что вроде совсем без ног. А может, единственная нога у него не действует... Ну да не в этом счастье. Главное для тебя то, что фамилия этого одноногого Сильвера – Дубинин, что история жизни у него какая-то особенно душераздирающая и что он Бирюкову сознательно согласился помогать. Зуб у него на нищенское начальство, понял? Бирюков благодаря его информации

имел досье на всех важных действующих лиц. Собирался уже захватить всех скопом, но тут-то они его...

– Они?

– Беру свои слова обратно.

И верно: ведь никому пока не известно, кто отправил Бирюкова на бессрочный отдых.

Станцию «Новослободская» многие москвичи и, как принято выражаться, гости столицы (армия которых возросла до такой степени, что уже вытесняет хозяев) считают красивейшей в московском метро. Давно забытые, детские или, может быть, дикарские чувства пробуждают в глубине души разноцветные витражные стеклышки, складывающиеся в изображения ярких застывших цветов. Точно их вырыли из почвы какой-нибудь сказки – «Аленький цветочек», например, «Цветик-семицветик» или «Хозяйка медной горы» – и пересадили сюда для того, чтобы хоть на минуту вызвать в затравленном сутолокой и теснотой пассажире прилив положительных эмоций.

Однако эти эмоции грозили сейчас же исчезнуть от вида человека, который нес вахту под сенью одного из стеклянных развесистых цветов. Человек этот, одетый в спортивный костюм цвета хаки и с бритой головой, на которой пробивался уже небольшой ежик с треугольным полем седины, сидел в инвалидной коляске, выставив вперед левую ногу. Правая штанина, пустая от самого паха, была сложена и подколота английской булавкой. Несмотря на эти печальные детали, от облика человека исходило чувство силы. Лицо было молодым и энергичным. Кисти рук, переразвитые от необходимости возмещать их усилиями опору на недостающую ногу, – большими и крепкими.

Тем более неуместно смотрелся в этих по-рабочему точных, предназначенных к тяжелой и изощренной работе руках мятый потрескавшийся стаканчик из белой пластмассы, куда бросали деньги сердобольные пассажиры. Человек в коляске не просил, не призывал к состраданию – настолько велик был контраст между его силой и жалким положением, что ему подавали безо всяких просьб. Он кивал, отработанно произносил: «Спасибо» – но что-то непохоже, чтобы сыпавшиеся в его стаканчик железные рубли и пятирублевки, изредка бумажные десятки, делали его счастливее...

Иван Козлов, одетый ради конспирации в кожаную куртку и джинсы, сразу сообразил, что это тот самый «одноногий Сильвер», имеющий зуб на нищенское начальство, о котором толковали работавшие с Бирюковым офицеры УВД. Иван наклонился к инвалиду и достал кошелек, но, вместо того чтобы бросить монету, тихо спросил:

– Дубинин – это вы?

– Отвали, – таким же тоном, как стандартное «Спасибо», вымолвил человек в коляске.

– Нет, я хочу знать: это вы помогали Борису Валентиновичу Бирюкову?

– Бирюкову? – Колясочный сиделец ожил: спина выпрямилась, грудь расправилась. – Не думал, что он меня еще помнит. Забыл, думаю, ветошь человеческую... Так чего ж это я его не вижу?

– Бирюкова убили, – торопливо прошептал Иван, наклоняясь еще ниже. При его росте общаться в такой позе – удовольствие ниже среднего. – Я тоже из милиции. Мы знаем о деле нищих и хотим довести его до конца.

Великан в коляске (Козлов невольно подумал о том, что если он встанет, то они с Иваном окажутся одинакового роста, только Дубинин – шире в плечах) испытующе поглядел на представителя органов власти, затем бросил быстрый взгляд на электронное табло, где высвечивалось время. Тогда Козлов не понял зачем...

– Корочки покажи, – потребовал Дубинин.

– Что? А, это... – Из внутреннего кармана кожаной куртки появилось удостоверение, и Козлов раскрыл его перед Дубининым так, чтобы посторонние ничего не видели, а он мог как

следует все прочесть и сверить фотографию с лицом Козлова. Иван не казался себе слишком похожим на эту служебную фотографию (он был лучшего мнения о себе), но для Дубинина этого оказалось достаточно. Глаза его посветлели.

– Алексей, – представился Дубинин, сунув Козлову большую ладонь, и он чуть не поморщился от крепости рукопожатия. – А тебя Иваном зовут? Жаль, хороший был мужик Бирюков. Кто ж это его? Хотя ясно, работа такая... Сейчас, Иван, не до этого. Я главное выяснил, понял? Бусуйок скрывается на Кастанаевской улице, дом семь, квартира одиннадцать. Запомнил? Повтори!

– Кастанаевская, семь, одиннадцать, – повторил Иван.

– У Анжелины адрес все тот же: улица генерала Карбышева, дом двадцать восемь, квартира шестнадцать. Там и я обретаюсь. К нам недавно прибыло пополнение, все краденые. Понял? Мы, я и еще двое из наших, напишем заявление, дадим все показания, какие потребуются. Но это ерунда, главное, чтобы всю сеть раскрыли. Чтоб верхушку взяли, понял? Если нужно, я на этой точке каждый день торчу с утра до ночи. Спасибо тебе, добрый человек, спасибо, помолюсь за тебя! – громко и без перерыва завел Дубинин так, что Козлов отпрянул. Было что-то неприглядное в этом мгновенном превращении: только что Иван слышал голос человека, полного собственного достоинства, сообщающего важные сведения, – и вдруг его сменил голос профессионального нищего с затверженными интонациями. Обернувшись, Иван Козлов обнаружил, что сзади на него напирает могучей грудью, похожей на подушку, затянутую в бесформенный мешок кожаной куртки, женщина лет тридцати, с крупным овальным лицом и ярко-красными губами, с распущенными по широченным плечам волнами черных, с медным отливом, волос.

– Посторонись, красавчик, – обратилась она к Ивану тоненьким голоском, приводящим в смущение: судя по внешности, такая дамочка должна была басить, как Шаляпин. – Солдату-инвалиду в туалет надо.

Уходя, слившись с толпой пассажиров станции «Новослободская», Иван Козлов напоследок еще раз поймал глазом Алексея Дубинина. Женщина в кожаной куртке помогала ему выбраться из коляски и ухватиться за костыль... Откуда взялся костыль, неужели был приторочен сзади к коляске? Или его принесла с собой женщина? Иван не заметил... Костыль имел зеленый цвет, в тон костюму хаки, и издали было похоже, что у Дубинина выросла вторая нога, заимствованная от гигантского кузнечика. Что-то насекомье просвечивало и в движениях. Иван поскорее отвернулся – то ли от сочувствия, то ли от неловкости, которой раньше за собой не подозревал.

Иван не успел спросить Дубинина о девушке, которая приходила к Бирюкову, предупреждая о его возможной смерти – или угрожая? Но решил, что сделает это в следующий раз.

Глава 13

Старший лейтенант Романова рисует зайца

– Ну что, brave солдат Швейк, скетч нарисовала?

Человек, который только что назвал старшего лейтенанта Галину Романову персонажем романа Гашека, о ее звании не подозревал. И вообще не догадывался, что имеет дело с сотрудницей правоохранительных органов. Человеку, носившему распространенное имя «Саша» и известному в среде столичных райтеров как Апрель, дальние знакомые его знакомых рекомендовали родственницу-студентку, которая хочет обучиться модному молодежному увлечению и готова даже заплатить тому, кто ознакомит ее с основами граффити. Строжайшая конспирация на всех этапах, как и отсутствие в этой среде личных имен, объяснялась тем, что, когда ты разрисуешь, или, по-райтерски, «убьешь» немалое количество стен, на перекраску которых выделяются деньги из бюджета, милиция проявит горячее желание познакомиться с тобой... От платы за обучение Апрель отказался, заявив, что для него главное – способности студентки. Есть способности – он будет рад помочь новому таланту; нет – так прямо и скажет, чтобы девушка не тратила зря свое и чужое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.